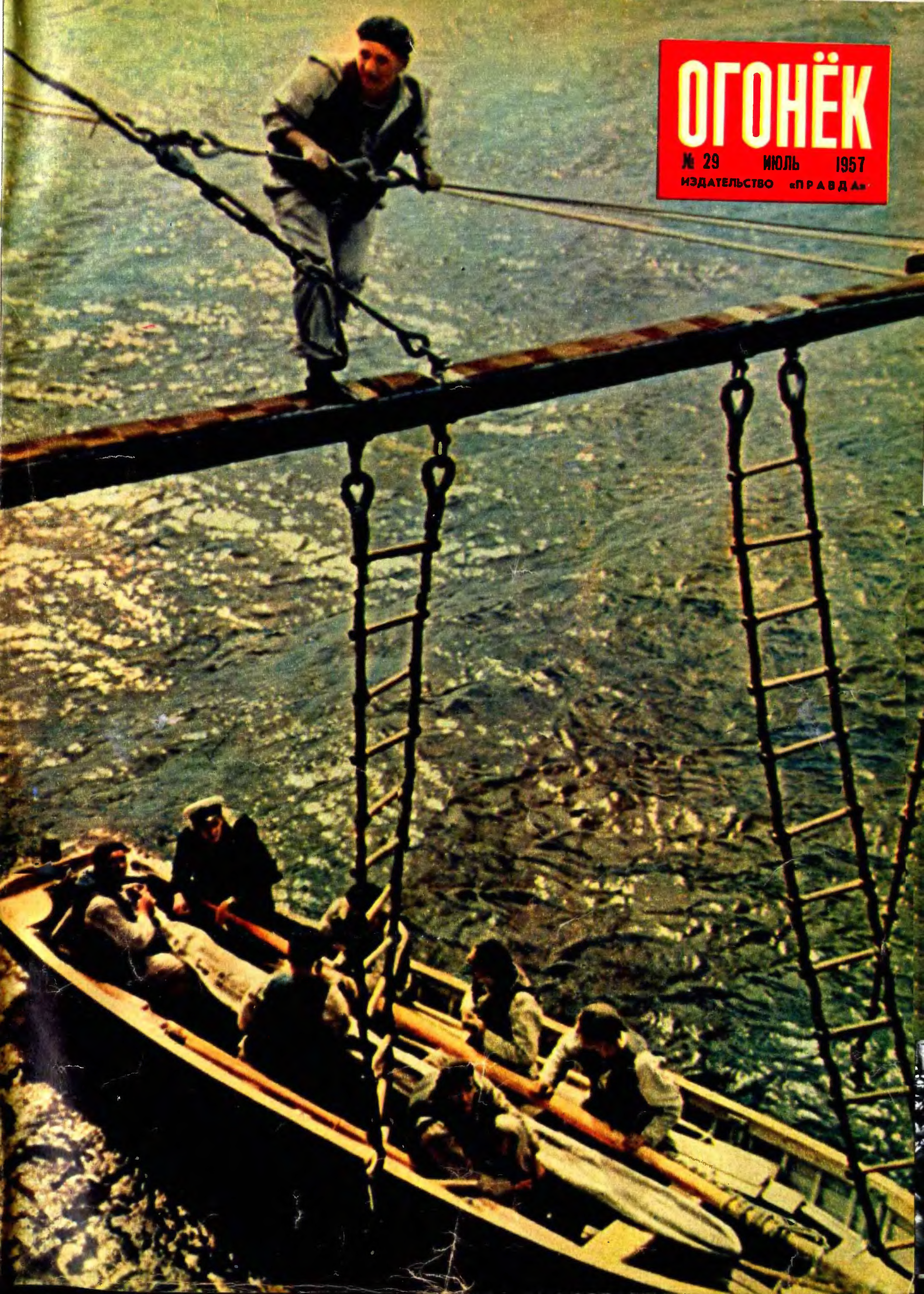

ОГОНЁК
№ 29 ИЮЛЬ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На Омутнинском металлургическом заводе в Кировской области.
Ковшевой мартеновского цеха Михаил Черенев во время розлива стали.

Фото Л. Шишкина.

На первой странице обложки: Закончились учения по гребле. Шлюпка подошла к борту корабля.

Фото А. Гостева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 29 (1570) 14 июля 1957

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВОЛЯ ПАРТИИ И НАРОДА

На устах миллионов советских людей, в их сердцах бесконечно глубокое по смыслу и бесконечно дорогое слово: единство! Это слово бесконечно дорого многомиллионному советскому народу, сплоченному вокруг Коммунистической партии. Высокое понятие ЕДИНСТВО — основа деятельности великой партии Ленина, сильной своей идейной сплоченностью. В ЕДИНСТВЕ черпает свою мощь Советское государство, где все народы — члены одной социалистической семьи.

Советским людям, коммунистам и беспартийным, дорого единство партии и народа, так как оно выковано в самоотверженной, беззаветной борьбе с врагами великого марксистско-ленинского учения, ставшего программой жизни и труда народных масс. И вот жалкая кучка фракционеров и отступников попыталась поколебать устои этого единства. Они организовали заговор против партии, захотели повернуть вспять наш великий народ, народ, открывший всем людям Земли надежный и верный путь к счастью, миру и процветанию.

Было бы неправильно говорить, что антипартийная группа Маленкова, Кагановича, Молотова не имела никакой линии. Нет, у нее была своя «линия». Заключалась она в том, чтобы повернуть партию, народ, Советское государство назад, на путь отступления от того, что достигнуто после XX съезда партии, от успехов в подъеме народного благосостояния, от завоеваний нашей мирной внешней политики, от ленинского учения о сосуществовании социалистической и капиталистической систем.

Мало потребовалось времени, чтобы во всей своей позорной наготе обнаружились духовное ничтожество, абсолютная политическая несостоятельность и постыдные цели участников заговорщицкой группы. Вслед за единодушным решением июньского Пленума Центрального Комитета партии вся партия, как один человек, весь народ единодушно сказали свое слово. На тысячах собраний и митингов гневно прозвучал голос советских людей: «Никому не позволим ослабить единство партии! Никому не разрешим мешать нашему победному движению вперед!»

Наша партия, наш народ умеют распознавать, что идет в пользу и что идет во вред делу строительства коммунизма. Надо быть такими слепцами, какими оказались Маленков, Каганович, Молотов и примкнувший к ним карьерист и двурушник Шепилов, чтобы не видеть пропасти между их «линией» и между интересами, чаяниями и думами миллионов членов партии и простых советских людей. Достаточно побывать хотя бы на одном митинге, чтобы убедиться, как далеки оказались эти жалкие фракционеры от народа.

...Двор Московского станкостроительного завода имени Орджоникидзе. На трибуну поднимается слесарь Сергей Ефимушкин. Свою речь он начинает так.

— Как могло случиться, — обращается он к своим товарищам по труду,— что люди, которым партия оказала такое доверие, обманули это доверие?

Есть только один ответ: Маленков, Каганович и Молотов оторвались от народа, потеряли с ним связь, не знают, чем и как живут рабочие, колхозники, наша интеллигенция. Раз оторвались — нам с ними не по пути!

О том же говорят токарь Юрий Хитров, заместитель начальника смены Дмитрий Рябов, директор завода Яков Козичев...

Заканчивается чтение резолюции. В ней рабочий коллектив клеймит позором действия кучки заговорщиков и одобряет постановление Пленума Центрального Комитета партии. Поднимается лес рук. Ни одного «против»! Ни одного воздержавшегося!

И так всюду: на всех заводах, во всех колхозах — везде, где живут и трудятся советские люди. И за рубежами нашей земли все, кому дороги прогресс, мир и дружба между народами, присоединяются к голосу советского народа.

Сильная своими кровными связями с народом, несокрушимая в своем единстве, Коммунистическая партия Советского Союза, разоблачив тех, кто пытался затормозить наше неуклонное движение к коммунизму, еще смелее поведет народные массы к торжеству идей марксизма-ленинизма.

Как никогда, светла наша дорога, как никогда, ясны наши великие и благородные цели!

На митинге рабочих и служащих Московского станкостроительного завода имени Орджоникидзе.

Фото С. Фридлянда.

Ленинград, Дворцовая площадь, 7 июля 1957 года. На трибуне во время демонстрации трудящихся.

ПРАЗДНИК ВЕРНОСТИ И ЕДИНСТВА

Семьсот тысяч трудящихся города Ленина приняли участие в демонстрации на Дворцовой площади.

Еще недавно Ленинград торжественно отмечал свое 250-летие. И вот город снова в праздничном убранстве. Сюда прибыли члены Президиума ЦК КПСС товарищи Н. А. Булганин, К. Е. Ворошилов, О. В. Куусинен, Е. А. Фурцева, Н. С. Хрущев, Н. М. Шверник для вручения орденов и медалей большой группе рабочих, инженеров и техников, деятелей науки и культуры, партийных, советских, профсоюзных, комсомольских работников, награжденных в ознаменование 250-летия города.

Праздник вручения наград вылился в демонстрацию единства партии и народа. На заводах, в рабочих клубах, в гуще народной члены Президиума ЦК КПСС вместе с тысячами ленинградцев чествовали героев труда. И когда Никита Сергеевич Хрущев сердечно пожал руку высокому седому инженеру Герою Социалистического Труда Александру Сергеевичу Еремееву, сотни электросиловцев бурно зааплодировали, славя мудрую ленинскую политику индустриализации, плоды которой так наглядно заметны именно на «Электросиле». Этот завод в самом буквальном смысле слова осветил Россию: большинство генераторов, дающих энергию стране, сделаны руками электросиловцев.

— Я рабочий человек,— сказал на митинге завода «Электросила» обмотчик Ю. А. Врублевский.— И как рабочий могу сказать от имени революционного рабочего класса, что никаким недругам, раскольникам и дезорганизаторам никогда не удастся поколебать железное единство партии и советского народа.

А на следующий день, в воскресенье, верный революционным традициям город-герой вышел на улицы и площади, чтобы сказать спасибо Центральному Комитету, сохранившему и упрочившему единство рядов партии.

Демонстрация единения и верности — так оно и войдет в летопись города, это шествие ленинградцев по Дворцовой площади. Мимо трибун, приветствуя членов Президиума ЦК КПСС товарищей Н. А. Булганина, К. Е. Ворошилова, Ф. Р. Козлова, О. В. Куусинена, Е. А. Фурцеву, Н. С. Хрущева, Н. М. Шверника, прошли семьсот тысяч ленинградских рабочих, ученых, студентов, служащих. Впереди колонн шагали ветераны революционных битв, родоначальники трудовых династий, сподвижники великого Ленина.

На сотнях собраний и митингов ленинград-

цы одобрили решения июньского Пленума ЦК КПСС. И сейчас снова звучит их голос:

— Ленинград был, есть и будет надежнейшей опорой Центрального Комитета партии!

А на центральной трибуне, словно подтверждая, как могуче единство партии, правительства и народа, рядом с членами Президиума ЦК стояли Герои Социалистического Труда, сыны и дочери героического Ленинграда. Задумчиво смотрел на многоликую молодежь, заполнившую Дворцовую площадь, старейший путиловец, участник штурма Зимнего А. К. Мирошников. Неподалеку от него вглядывался в лица демонстрантов академик А. А. Лебедев. Старший мастер прокатчик П. М. Варламов по-отечески махал рукой сыну Виктору, сварщику, достойному наследнику рабочей славы выдающегося новатора. Фрезеровщик А. В. Бородулин, тростильщица У. Я. Поршнева, сборщица с «Красной зари» Е. Р. Васильева, пионер советского гидротурбостроения Н. Н. Ковалев, секретарь райкома партии агроном М. А. Шагина, моложавый рослый каменщик М. В. Васильев, машинист П. Е. Смирнов — все они впервые надели золотые медали «Серп и Молот» и ордена Ленина. Двадцать новых золотых медалей засверкало в трудовом Ленинграде! За успехи в подъеме сельского хозяйства Ленинградской области семь человек удостоены звания Героя Социалистического Труда. Почти восемь тысяч новых орденоносцев и медаленосцев появилось на фабриках, заводах, в колхозах, совхозах, МТС, научных институтах, в театрах, школах Ленинграда и Ленинградской области.

...Праздник Ленинграда закончился на площадях, в садах и парках живописнейших пригородов. А наутро токарь-карусельщик Николай Иванович Першин, бережно уложив в коробочку золотую звезду, надел обычную спецовку и зашагал на «Электросилу». Его станок, как и всегда, был готов к работе, убран сменщиком.

— Отметили, Николай Иванович? — весело спросил заслуженного токаря-карусельщика сосед.

— Отметили,— кивнул Першин.— Один юбилей отметили, надо другой готовить. Сорок лет!

Г. РАДОВ,
К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

...На площадь пришли и стар...

...и млад.

Товарищ Н. С. Хрущев в одном из цехов завода «Электросила».

НА ВЕЧНЫЕ ВРЕМЕНА!

Л. КУДРЕВАТЫХ

Фото Я. РЮМКИНА.

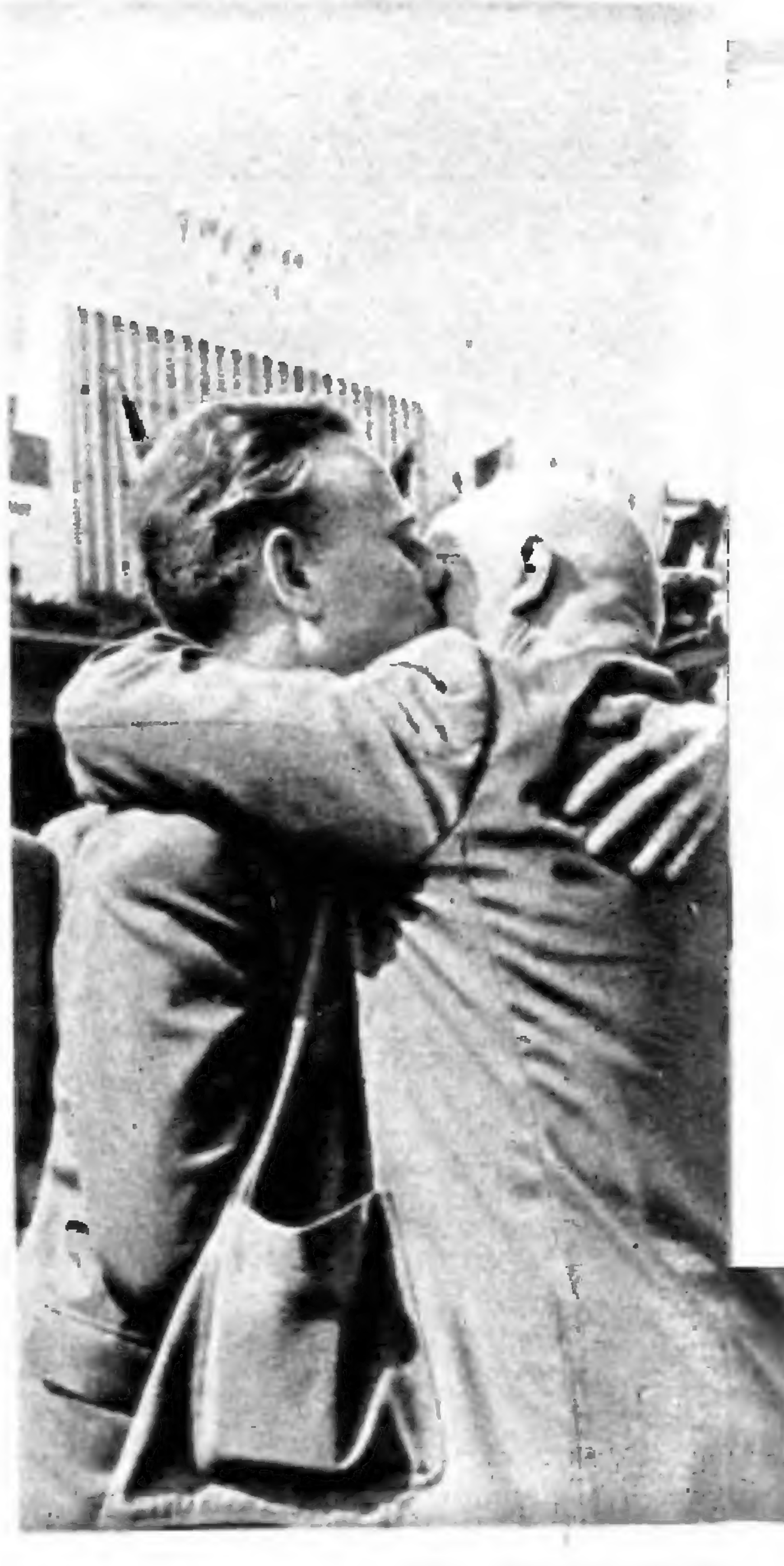
Специальные корреспонденты «Огонька»

Рабочие железнодорожной станции Чьерна-на-Тиссе и крестьяне окрестных сел собрались для встречи.

Вместе со взрослыми дорогих гостей пришли встретить дети.

Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев здоровается с Первым секретарем ЦК КПЧ А. Новотным на пограничной станции Чьерна-на-Тиссе.

День 9 июля 1957 года будет памятен всем, кто ехал в этом поезде от пограничной станции Чьерна-на-Тиссе в глубь, в центр чехословацкой земли, к ее столице Праге.

Несколько лет назад в центральных районах Чехословакии на восток, к границе Советского Союза, сквозь горы начали прокладывать новую железнодорожную магистраль. Ее назвали дорогой дружбы. И вот по этой, сегодня такой кипучей магистрали от рубежей советской земли к Праге идет поезд Партийно-правительственной делегации Советского Союза. В составе делегации — Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев, Председатель Совета Министров Союза ССР Н. А. Булганин, первый заместитель министра иностранных дел СССР Н. С. Патоличев, секретарь ЦК КП Украины О. И. Иващенко, председатель ВЦСПС В. В. Гришин, посол СССР в Чехословакии И. Т. Гришин.

День 9 июля превратился в триумф братской дружбы народов двух социалистических стран, связавших свою судьбу на вечные времена.

От пограничной арки до станции Чьерна-на-Тиссе по обе стороны железнодорожного пути стояли пионеры и члены Чехословацкого союза молодежи в синих блузах с букетами красных гвоздик и миниатюрными флажками. Сыны и дочери чехословацкого народа, его надежда и будущее, первыми приветствовали посланцев Коммунистической партии Советского Союза и советского народа.

А дальше, на запад, на каждой станции, полустанках и разъездах, у всех населенных пунктов, у каждого шлагбаума или переезда, просто у железнодорожных путей, кто в рабочих комбинезонах, а кто в праздничных, ярких национальных костюмах, с цветами и флажками, стояли тысячи и ты-

сячи людей. Все приветствовали советских гостей. Десятки самодеятельных оркестров исполняли народную музыку. Широкой рекой лились чувства сердечной любви. Я видел, как сосед, стоявший рядом со мной у окна вагона, смахивал слезу.

— От радости, от счастья, — сказал он.

Да, это была радость и счастье...

Дружба славянских народов, уходящая своими корнями в далекие века, скреплена кровью, совместно пролитой в сражениях с фашизмом, упрочена на новой основе общности великих идеалов.

Об этой общности целей говорили Первый секретарь ЦК КПЧ товарищ Новотный и Первый секретарь ЦК КПСС товарищ Хрущев во время митинга на станции Чьерна-на-Тиссе. Слова, сказанные в свое время Клементом Готвальдом: «С Советским Союзом на вечные времена!» — скандировали десятки тысяч людей на митингах в Кошице, Жилине, в Оломоуце. Это была подлинно народная демонстрация братской любви.

Что больше всего запомнилось из этой незабываемой встречи: дружеские объятия товарищей Хрущева и Новотного или деревенский мальчик, который упорно и настойчиво пробивался к трибуне на станции Кошице, чтобы вручить представителям Советского Союза букет ромашек; десятки тысяч людей, заполнивших привокзальную площадь и прилегающие улицы в городе Жилине, или стройные ряды рабочих, в едином порыве кричавших «наздар, соудрузи» советской Партийно-правительственной делегации; мотоциклисты, несущиеся рядом с поездом на убранных цветами машинах, или шахтерские лампочки и словацкие горные пастушеские топорики-валашки, врученные в качестве дара советскому народу? Все, что мы видели в этот памятный день на дороге вечной дружбы, было трогательно и величественно. Трижды в этот день выступал горячо приветствуемый собравшимися Н. С. Хрущев. В речи на митинге в Жилине он сказал:

— Мы приехали к вам, товарищи, как к самым дорогим друзьям, и у нас нет к вам никаких просьб, ничего нет, кроме чистого сердца и большой, крепкой дружбы.

Чувства вечной дружбы, дружбы, идущей из глубины сердца, были ответом на слова товарища Хрущева...

На второй день советскую Партийно-правительственную делегацию торжественно встречала Прага — славная столица чехословацкого государства. На перрон к поезду вышли руководители Чехословацкой коммунистической партии и чехословацкого правительства. Товарищи Запотоцкий и Широкий обнимаются и целуются с товарищами Хрущевым и Булганиным. Сердечные приветствия, какими встречают хозяева гостей, искренни, как приветствия настоящих, верных друзей.

И вот перед нами встала спокойная и величественная, трудовая Прага, расцвеченная государственными флагами Советского Союза и Чехословацкой Республики. Море голов, сотни тысяч поднятых и аплодирующих рук, возгласы «Да здравствует Советский Союз—оплот мира!». От вокзала через Вацлавскую площадь по всему городу до резиденции советской Партийно-правительственной делегации выстроилась рабочая Прага — ее пролетариат, строитель новой, социалистической жизни.

Мы беседуем с рабочим завода «ЧКД — Сталинград» Франтишеком Бурешом.

— С такой трогательной любовью, — говорит он, — Прага встречает гостей впервые, ибо эти гости — наши освободители, наши верные друзья. Мы и вы единомышленники.

Да, чехословацкий народ, его рабочий класс, его трудовое крестьянство, его интеллигенция — самые близкие и верные друзья народов Советского Союза.

* * *

10 июля начались беседы между Партийно-правительственной делегацией Советского Союза и делегацией Коммунистической партии и правительства Чехословакии.

Обе делегации обменялись информацией о деятельности своих партий и правительства за последнее время. Переговоры, которые проходили в духе сердечности и дружбы, вновь подтвердили полное совпадение и единство взглядов обеих братских партий.

Прага, 10 июля (по телефону).

Привокзальная площадь в Праге. На трибуне: Президент Чехословацкой Республики А. Запотоцкий (у микрофона), Первый секретарь ЦК КПЧ А. Новотный, Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин, Председатель Правительства Чехословацкой Республики В. Широкий, первый заместитель министра иностранных дел СССР Н. С. Патоличев, секретарь ЦК КП Украины О. И. Иващенко.

Фото А. Устинова.

Жители Праги приветствуют дорогих гостей.

10 июля советская Партийно-правительственная делегация нанесла официальный визит в Пражский Кремль, где она была принята Президентом Чехословацкой Республики А. Запотоцким.

Фото А. Устинова.

ИДЕТ ВЕЛИКАЯ ЖАТВА

Наш народ горячо одобряет решения июньского Пленума ЦК КПСС, теснее сплачивается вокруг Коммунистической партии. Советские люди говорят:

— Партия ведет нас правильным, ленинским курсом!

Пусть не клевещут отщепенцы: наше сельское хозяйство идет дорогой большого подъема. С полей поступают хорошие вести: в закрома страны золотым потоком течет зерно нового, богатого урожая.

Мы публикуем снимки, сделанные в колхозе имени Хрущева, что в Голопристанском районе, Херсонской области. Здесь убирают по 22 центнера пшеницы с гектара. Люди стараются закончить уборку в сроки, более сжатые, чем в прошлом году.

Сообщения о высоких урожаях, об ударной работе механизаторов поступают с разных участков битвы за хлеб.

В районах Северного Кавказа и на юге Украины многим МТС и совхозам удалось за несколько дней завершить уборку озимого ячменя.

В Запорожье колхозы и совхозы на 20 дней раньше прошлогоднего приступили к сдаче хлеба государству.

На Кубани по призыву передовых комбайнеров решено закончить уборку хлебов за 10—12 рабочих дней, убрав 80—90 процентов колосовых раздельным способом.

На Ставропольщине прославились братья Гурьевы — Иван и Петр. Замечательные мастера уборки, они днем и ночью трудятся на полях совхоза «Чугуевский». Вместе с ними и их сыновья. За сутки они убирают не менее 60 гектаров.

Борьба нашей партии за всесторонний подъем сельского хозяйства, за изобилие приносит свои прекрасные плоды.

Наташа, дочь комбайнера, Героя Социалистического Труда М. А. Брага,— студентка Херсонского сельскохозяйственного института. В колхоз она приехала на практику. Трудятся теперь вместе отец и дочь...

Фото А. Гостева.

Идет раздельная уборка урожая.

На колхозном току.

Первый эшелон

Уезжают на целину студенты Московского лесотехнического института.

Фото С. Фридлянда.

На огромных просторах целины зреет богатый урожай. И снова, как в прошлом году, тысячи и тысячи молодых патриотов со всех концов страны устремляются на помощь хлеборобам целины. Весело и шумно провожали трудящиеся Московской области свой первый эшелон в Акмолинскую область. Среди уезжающих в пшеничные края многие уже имеют специальность механизатора. Тридцать студентов Московского лесотехнического института закончили курсы трактористов.

На уборку целинного урожая выехали молодежные поезда из многих городов страны.

Новые рижские автобусы

Микроавтобус «Фестивальный».

Автобус «РАФ».

Два года назад Рижский автобусный завод наладил массовый выпуск двадцатиместного автобуса марки «РАФ». Эта машина вагонного типа, очень удобная в эксплуатации для пригородного сообщения, нашла широкое применение не только в Латвии, но и далеко за ее пределами. Завод уже выпустил более 600 таких машин.

Недавно создан новый образец этого автобуса. В нем 20 мягких мест, кузов его увеличен, улучшена внутренняя и внешняя отделка. По сравнению с прежним образцом новый автобус будет развивать значительно большую скорость.

Самой последней новинкой завода является микроавтобус «Фестивальный». Недавно рижане были приятно удивлены, увидев на улицах города небольшую, необычной формы, красивую автомашину.

Автобус «Фестивальный» создан на базе легковой автомашины «Победа». В миниатюрном автобусе девять мягких пассажирских мест и десятое для водителя. Верх кузова — цвета слоновой кости, низ окрашен в красную и черную краску. Рядом с рулевым управлением вмонтирован радиоприемник. В задней части кузова оборудован просторный багажник. Машина развивает скорость до 80 километров в час, берет запас бензина на 400 километров. Общий вес ее — 1 500 килограммов.

Такой микроавтобус создан в нашей стране впервые. Коллектив предприятия построил его в честь предстоящего VI Всемирного фестиваля.

И. БОЧАРНИКОВ

Фото Е. Бочарникова.

ПИСЬМА ГАРРИ ПОЛЛИТА ПИОНЕРАМ

Пионеры 195-й школы Ленинграда задумали провести свой школьный фестиваль. Ребята решили, что на фестивале каждое звено будет представлять детскую или пионерскую организацию какой-нибудь страны.

Начали готовиться. Все шло хорошо, не ладилась только работа у «англичан» — пионеров 7-го «А» класса. Какие в Англии детские организации, чем они занимаются, кто ими руководит — этого никто из семиклассников не знал. Не знала и вожатая. Не помогли на этот раз газеты и журналы.

И вот, когда положение стало уже казаться безнадежным, кто-то из ребят предложил обратиться за помощью к председателю Исполкома Компартии Великобритании Гарри Поллиту.

Сказано — сделано. Ребята написали Гарри Поллиту письмо, а несколько дней спустя пришел ответ. Вместе с письмом Гарри Поллит прислал ребятам и подарок: сборник песен, изданный Рабочей музыкальной ассоциацией. «Сборник этот,— писал Гарри Поллит,— заключает ряд песен, которые поют наши дети».

Теперь на фестивале пионеры могли не только рассказать своим товарищам о жизни английских ребят, но даже исполнить их любимые песни.

Школьный фестиваль давно прошел, но дружба, замечательная дружба между Гарри Поллитом и пионерами ленинградской школы, продолжается.

Ребята делятся с Гарри Поллитом своими планами, рассказывают о своих делах. Они избрали его почетным пионером своей дружины, послали пионерский значок и галстук.

О чем пишет пионерам Гарри Поллит? О многом: об английских школьниках, о том, как они готовятся к Всемирному фестивалю молодежи, как копят деньги для поездки в Москву его сын и дочь, о своем пребывании в Ленинграде:

«...В первый раз я был в Ленинграде в июне 1921 года с покойным Томом Манном. Мы были проездом по дороге в Москву, куда мы ехали, чтобы присутствовать на 3-м Конгрессе Коммунистического Интернационала. Том Манн и я выступали на многолюдном митинге, устроенном в нашу честь... Это было событие, которое я всегда буду помнить».

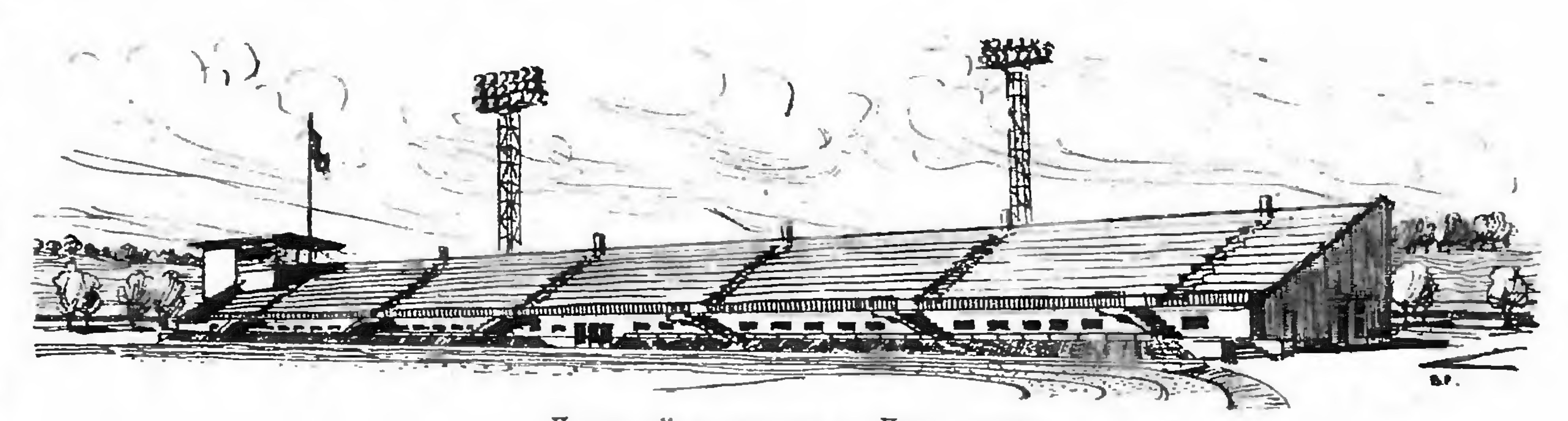
На почетном месте в пионерской комнате фотография, подаренная Гарри Поллитом: Гарри Поллит в окружении китайских ребятишек.

А. СИЛЬКИНА

Г. Поллит с китайскими детьми.

Детский стадион в Лужниках

Детский стадион в Лужниках.

Рис. архитектора В. Раннева.

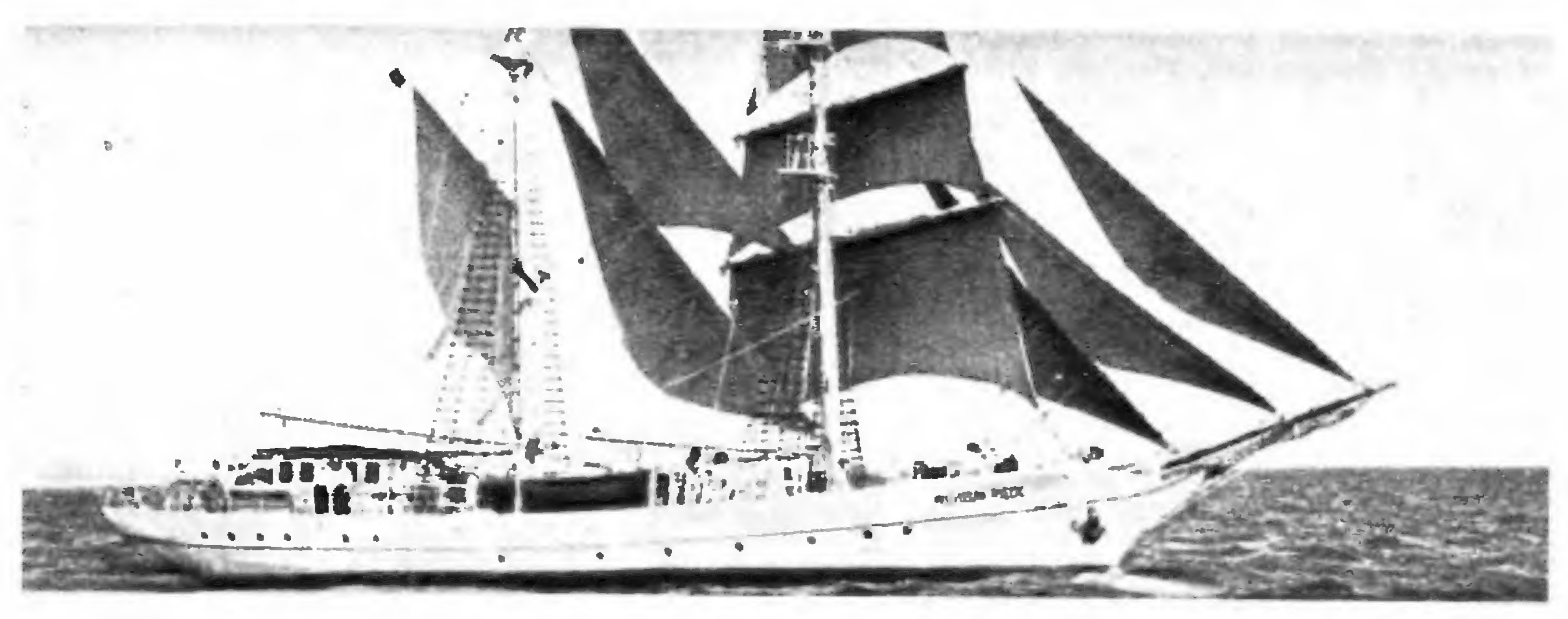
На территории Лужников, в северной его части, создан специальный Детский стадион. Отсюда рукой подать до Большой арены. И кто знает, сколько питомцев Детского стадиона — учащихся спортивных школ—будет впоследствии демонстрировать на нем свое мастерство?

От северного входа к Детскому стадиону ведет широкая озелененная аллея. И вот раскрывается целый комплекс: зеленое поле, беговые дорожки, теннисные корты, баскетбольные и волейбольные площадки. Трибуны, имеющие десять рядов, вместят три тысячи ребят.

Под трибунами, несмотря на их относительно скромные размеры, мы находим те же помещения, что и на больших стадионах: душевые, раздевалки, гардеробы, врачебные кабинеты, буфеты. Архитектура проста и выразительна. Светлая отделка стен гармонирует с отделкой остальных зданий Лужников. По гладкой поверхности фасада тянется сплошная лента окон. У финиша беговой дорожки оборудована дикторская будка. Предполагается, что в качестве дикторов здесь будут выступать сами школьники.

Б. ЛЬВОВ

На спортивном судне вокруг Европы

Июльским утром любители водного спорта — досаафовцы Одессы — вышли в море на яхтах и швертботах. Они радушно встречали морских спортсменов из Германской Демократической Республики, прибывших с визитом дружбы на спортивном учебном парусном судне. Это двухмачтовое белоснежное судно носит имя президента ГДР Вильгельма Пика и подарено им обществу «Спорт и техника».

Шхуна «Вильгельм Пик» под командованием капитана Артура Фридриха с экипажем в составе 32 человек совершает дальний переход из порта Росток вокруг Европы. Она уже побывала в албанских и болгарских портах. Плавание длится полтора месяца. Пройдены Атлантический океан, штормовой Бискайский залив, Средиземное и Черное моря, за кормой остались тысячи миль морского пути. В связи с прибытием немецких спортсменов на причале состоялся митинг.

Я. КРАВЦОВ, Е. ПЕЧЕНИК

Фото Г. Рыбальченко.

Самолет «Украина» на аэродроме.

«УКРАИНА» и «ПЧЕЛКА»

На киевском аэродроме приземлился самолет. Среди привычных «ИЛов» и «ЛИ» новая машина казалась особенно большой: на ее высоко расположенных крыльях — четыре мощных мотора. Это советский четырехмоторный турбовинтовой самолет. Скоро он будет курсировать на авиалиниях страны.

Главный конструктор «Украины» О. К. Антонов.

Что же это за машина? В чем ее достоинство? С этими вопросами мы обратились к главному конструктору самолета Олегу Константиновичу Антонову.

Вместо ответа Олег Константинович показал на часы:

— Полтора часа назад мы были в Москве, а летели не торопясь. Практически будем затрачивать на этот перелет час с четвертью, так как крейсерская скорость «Украины»— свыше 600 километров в час.

Мы поднимаемся в кабину. Впрочем, слово «кабина» здесь явно не подходит. Перед нами просторные салоны, в которых могут разместиться 84 пассажира. Тут все для них предусмотрено: комфортабельные кресла, оборудованные индивидуальными электролампочками и радио, удобная, вместительная кухня с холодильной установкой, гардероб для верхней одежды и даже своеобразный детский уголок, украшенный шутливыми рисунками художника из конструкторского бюро.

— Как создавалась «Украина»?

— В ноябре 1955 года наш коллектив получил задание приступить к конструированию турбовинтового самолета, предназначенного для широкого внедрения на транспортно-авиационных линиях. Перед нами встали сложные проблемы. Их можно сформулировать так: безопасность, экономичность, комфорт, скорость. Начнем с первого. На самолете, как вы видели, установлены четыре мотора. И если даже два из них откажут в воздухе, что, конечно, практически исключено, учитывая высокое качество двигателей, то все равно машина уверенно продолжит свой полет. Проектные данные дают нам возможность совершать быстрые дальние перелеты на высоте восемь тысяч метров. А если говорить об экономичности перевозок, то наши расчеты показывают, что при дальности полета в тысячу километров себестоимость перевозки пассажира будет дешевле, чем на существующих поршневых самолетах.

И вот в начале нынешнего года первый опытный образец мы передали на испытание летчику Якову Ильичу Верникову. Проектные замыслы были реализованы в короткий срок.

— Что позволило вашему коллективу так быстро создать новую машину?

— Сотрудничество промышленности с конструкторскими бюро. Вот вам пример: когда нам потребовалась помощь со стороны известного конструктора А. Н. Туполева, он передал нам необходимую техническую документацию, что значительно ускорило работу.

— Каково будущее турбовинтовых самолетов?

— Мне кажется, что турбовинтовые самолеты будут основными самолетами гражданского воздушного флота в ближайшее время. Известно, что средняя крейсерская скорость обычных поршневых самолетов равна примерно 300 километрам в час. Скорость типичного турбовинтового самолета вдвое выше, а его грузоподъемность больше в четыре — пять раз. Я думаю, что этих данных достаточно, чтобы отдать предпочтение турбовинтовой машине. С «ТУ-104» наш самолет в скорости, конечно, тягаться не может. Но «ТУ-104» рассчитан на дальние магистральные линии, на большие беспосадочные перелеты. И тут нет ему равных. «Украина» же может базироваться на любом существующем аэродроме и не требует удлинения взлетно-посадочных полос.

Антоновым сконструирован и другой самолет, известный и любимый летчиками работяга «АН-2». Выпущенный в 1947 году, он был специальным сельскохозяйственным самолетом. Он очень удобен для борьбы с вредителями полей: поднимает тонну химикатов, имеет широкий захват опыления. Безотказный «АН-2» хорошо служит полярникам, геологам-разведчикам, борется с лесными пожарами.

А вот «АН-8», появившийся совсем недавно. Это транспортный самолет, предназначенный для тех районов страны, которые лишены железных дорог. Большая подъемная сила позволяет ему перебрасывать по воздуху тракторы, молотилки и даже дома в разобранном виде.

Сейчас О. К. Антонов и его помощники разрабатывают новую конструкцию — «АН-14». На этот раз поставлена совсем иная цель. «Пчелка»— так окрестили будущий самолет его создатели.

Всего шестьдесят метров дорожки нужно ей, чтобы поднять в воздух шестерых пассажиров, а сесть она сможет на дороге, на току, на любой небольшой площадке.

Простой в управлении, этот самолет имеет много общего со всем известной машиной «ПО-2», но будет отличаться от нее большей скоростью — до 230 километров в час — и значительно большей грузоподъемностью. Запланирован и сельскохозяйственный вариант «Пчелки» с двумя баками для химикатов, сменяющимися как кассеты.

Пройдет еще год — и рядом с «Украиной» займет свое место в строю и трудолюбивая маленькая «Пчелка».

В. ВИКТОРОВ,
В. ШУМОВ.

Один из трех салонов «Украины».
Фото Н. Козловского.

8 июля самолет «Украина» приземлился на Внуковском аэродроме. Это 25-й полет машины, находящейся сейчас на испытании.

Фото А. Новикова.

ВСЁ ВПЕРЕДИ

Повесть

Александр **РЕКЕМЧУК**

Рисунки П. **ПИНКИСЕВИЧА**.

7

Катер шел против течения. Трудно шел.

Осеннее половодье на Печоре мало чем разнится от вешнего: оно и обильно, и бурно, и тревожно, только не радостной тревогой взыгравших весенних страстей, а холодными предзнаменованиями ледостава.

Вода текла вровень с берегами — цвета отраженных туч, быстрая, с частыми щербинами водоворотов по зеркалу. Изредка порывы ветра рассыпали дробную капель. Как выстреленные, летели навстречу — свежим срезом вперед — еловые хлысты и просто выдранные с корнями деревья. Желтая размытая глина клубилась у берегов.

Но весь этот разбой совершался по-тихому. Торжественная тишина стояла на реке, молчали леса. Четкое тарахтение катера, удвоенное эхом, было уже так привычно для слуха, что не нарушало тишины.

И Алексей вздрогнул, когда гулкий выстрел перехлестнул тишину от берега до берега.

Моторист, дотоле погруженный в раздумье, тоже встрепенулся и с любопытством, задрав подбородок, стал разглядывать небеса: по какой такой дичи додумался неизвестный охотник бить крупной картечью?

Только Храмцов, дремотно клевавший толстым носом пуговицу дождевика, не шевельнулся. Машинка лежала у него в кармане выключенная.

Еще один выстрел ударил в тайге. Алексей взглянул на моториста, тот повел плечами: сам, дескать, удивляюсь.

Впереди, справа (катер шел у самого берега), оглушительно хрустнули раздираемые сучья, и стремительные тени одна за другой метнулись в воду. Взлетели снопы брызг.

— Лоси! — крикнул моторист и выключил двигатель.

Наперерез лодке в воротничках пены плыли три головы. Одна — очень крупная, с вислыми губами, лохматой бородкой и тяжелой раздвоенной короной рогов. Вторая — чуть меньше, с плешью вместо короны. А третья — совсем маленькая, лопоухая, с круглыми от испуга глазами.

Лоси косились на катер, который сейчас сносило назад, но направления не изменили: должно быть, сочли, что две опасности сразу — спереди и сзади — это было бы слишком несправедливо...

Снова захрустели сучья на берегу, и из чащи вылезли двое, в сапогах до пупа, с ружьями и раздосадованными лицами. Небрежно скользнув глазами по катеру, они еще по инерции провожали сдвоенными дулами уплывающую добычу.

— Вот гады! — ругнулся моторист. — Браконьеры. Им тут раздолье: на триста верст вокруг сам себе прокурор...

Лоси теперь плыли медленнее, держа равнение на маленькую лопоухую головку. Но они уже достигали берега. Лоснящиеся от влаги, мускулистые крупы легко взметнулись на глинистый обрыв. Однако животные как будто и не собирались продолжать бегство. Лопоухий и безрогая, изящно играя тонкими ногами, спокойно вошли в заросли. А третий — могучий бык — повернулся к реке и застыл на краю обрыва, гордо подняв рога...

Алексей оглянулся. Те двое, в сапогах, уже опустили приклады.

— А ведь знают, — вдруг захохотал моторист, показывая в сторону лосей. — Звери, а знают!..

— Что знают?

Затарахтел мотор.

— На той стороне — заповедник... — объяснил парень. — Туда хоть с ружьем, хоть без ружья сунешься — объездчики живо загребут! Вот они, звери, выходит, и разбираются, на какой стороне закон...

— А если и на том берегу обнаружится газ? — заинтересовался Алексей. — Начнут бурить, строить... Тогда как?

— Не начнут. Я же сказал — там заповедник. Нельзя.

— Ну, а если золото? Или, предположим, уран? Так зря и пропадать будет в земле?

— Факт. Иначе всех зверей в один год перестреляют. Любители есть...

— Интересно,— сказал Дённов.

— У нас тут, на Печоре, все интересно, — согласился моторист.

Потом ехали еще часа три. Излучина сменялась излучиной. Плотно стояли над водой леса. Их уже окутывали сумерки, и острозубая кромка четче вырисовывалась на блеклом небе.

— Приехали, — объявил моторист, круто поворачивая штурвальное колесо.

Сперва Алексей даже не понял, куда именно они приехали.

Берег как берег. Низкий, топкий. Елки шлепают ветками прямо по воде. Но потом сквозь заросли разглядел: груды ящиков, контейнеры, катушки кабеля в человеческий рост, генераторы и разное другое. Все это укрыто брезентом.

На большом ящике сидел дядя в тулупе и курил самокрутку. Сторож, наверное.

Далее простирался поток грязи. Торчала неподвижная будка трактора, до самых окошек погрязшего в жидкой каше...

— Дорога, — сказал моторист. И добавил: — Была. До дождей.

— Как же по ней ходить? Плыть, что ли?

— А вы не по дороге пойдете. По трубе.

Храмцов, когда катер ткнулся в берег, проснулся и тут же спрыгнул в воду. Зашагал, хлюпая сапогами. Прямо в ельник. По нужде, должно быть.

«Что значит интеллигентный человек, — отметил Алексей. — Вокруг-то, кроме сторожа, ни живой души...»

Но Храмцов вышел из зарослей, неся несколько еловых шестов.

— Вы что же не вооружаетесь? — улыбнулся он Алексею ободряюще.

— Зачем мне? — подивился Алексей.

— А здесь, в двух шагах, можно срезать, — объяснил, не расслышав, Храмцов. — Вот нож.

Алексей не стал рассуждать, взял нож и пошел срезать шесты.

К берегу Печоры выходила водопроводная труба.

Восемь километров железной трубы проложили здесь зимой через болота, параллельно дороге, чтобы обеспечить водой турбины первых джегорских буровых. Когда же дорога окончательно пришла в непроезжее состояние, а новая, строящаяся, где остались спутники Алексея Дённова, еще не достигла цели, водопроводная труба оказалась единственным средством сообщения между Джегором и остальным миром.

Уже второй месяц, день за днем, по этой трубе шли гуськом люди, балансируя, как на цирковом канате, и еще умудрялись тащить на горбу то, что составляло прожиточный минимум для буровиков и буровых...

— Вы что это делаете? — всполошился Храмцов, увидев, как Алексей взваливает на плечо чемодан. — Так ничего не получится... Что? Прошу не возражать: покамест на Джегоре распоряжаюсь я...

Главный геолог распорядился так.

Один шест, самый длинный, они продели в ручку чемодана, затем подняли шест на плечи. В каждую руку также взяли по шесту — для упора. Взошли на трубу. Храмцов впереди, Алексей сзади.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 27, 28.

— Через полтора часа будем на месте,— сказал Храмцов. — Шаго-ом марш!..

Тонкая труба покоилась на деревянных чурках, чурки лежали на бурых, гладко причесанных болотных кочках. Под тяжестью шагов чурки с чавканьем вдавливались в зыбкий грунт, из-под них брызгала гнилая вода.

Сплошное болото было вокруг. На болоте все же произрастало различное редколесье, но что это были за деревья!.. Тонконогие, как поганые грибы, ели; страховидные кедры, обросшие не столько хвоей, сколько мхами; чахлые, согнувшиеся колесом, суставчатые березы. Кое-где торчали трухлявые, сырые насквозь пни, лежали изъеденные лишайником, поваленные ветром стволы — дуролом...

Справа все тянулся поток грязи. Там опять Алексей увидел затонувший по самые фары трактор. Даже совсем одинокий человек не выглядит так беспомощно и печально, как техника, когда люди вынуждены бросить ее на произвол судьбы.

Сумерки делались все гуще. В сущности, уже ночь была в лесу, а не сумерки. Но глаза обычно замечают полную темень лишь после того, как увидят зажженный свет. А когда вокруг ни огня, они, глаза, еще долго различают сумеречные света и тени.

Храмцов и Алексей уже два раза перекладывали шест с затекших плеч на незатекшие. Ступни уже привычно и легко ступали по круглой и скользкой металлической тропинке: вот завтра, после сна, они дадут знать, легко ли им было.

Устин Яковлевич только однажды за всю дорогу сказал Алексею:

— Нужно добиться через техснаб вертолета. Или хотя бы арендовать.

А может, он это и не Алексею сказал, а просто по привычке подумал вслух.

Между тем небо над лесом стало очищаться. Наверху, среди сырых и грязных, как талый снег, туч, появились зеленоватые лунные проталины. В проталинах подрагивали звезды.

Впереди, сквозь сплетения стволов и веток, проклюнулись тонкие лучики дальних огней.

— Джегор,— объявил Храмцов, заметно ускорив шаг.

Лучики множились. Потом уже сами огни возникли впереди. Электрические огни. Они приближались с каждым шагом.

Алексей вдруг вспомнил, как всего лишь три дня назад на подходе к столице ему впервые открылись дружелюбные огни Москвы — разливанное море огней. А вчера, выйдя из поезда, под сверкающим ливнем он смотрел на огни незнакомого города, в котором, как предполагалось, ему придется жить. Но и те огни растаяли в дождевой хмари. А теперь вот перед ним маячат какие-то новые огни, тоже незнакомые, вовсе даже не город, а так, островок среди болот, а ему от этих огней делается необычайно радостно, будто бы тут родился и вырос, в этом болоте...

Теперь огни приблизились: можно было различить, где дома, где улицы, где прожектор освещает бензобаки.

— Четыреста метров осталось,— сказал Устин Яковлевич. И остановился.— Но с трубой нам, к сожалению, придется расстаться. Труба сворачивает к первой буровой. А нам нужно в поселок. По дороге. Предупреждаю: здесь грязи будет по колено...

Однако предупреждение главного геолога не имело под собой почвы. Сделав первый же шаг в сторону от трубы, он с плеском провалился в трясину не по колено, а по пояс.

— Осторожно! — крикнул он Алексею.

Алексей, щупая сапогом бездонную темноту, протянул Храмцову руку. Молодецким рывком Устин Яковлевич выбрался из ямы. Было слышно, как комья грязи опадают с его одежды.

— Здесь пройти трудно,— сказал, часто дыша, Храмцов.— Попробуем в другом месте... Представьте себе, на Джегоре порой приходится вытаскивать людей из грязи с помощью подъемного крана. — Он засмеялся.

Прошли еще десяток метров по трубе и снова свернули к дороге. Как слепые, тыча шестами, чутко прислушиваясь к собственным шагам.

— Многое зависит от привычки,— опять заговорил Храмцов.— Несколько лет назад я был в Венеции. Там люди живут прямо на воде и, представьте себе, привыкли, не жалуются...

Бездна разверзлась под Алексеем. Он только успел охнуть, а уже руки лежали на жидком киселе, слякоть вползала в сапоги, в рукава, в карманы...

Теперь Храмцов тащил его за руку, фыркая от натуги и уже не скрывая своего огорчения:

— Ногу не вывихнули? Испачкались, конечно. Какая досада...

Алексей не ответил, потому что все равно Храмцов не слышит, а также потому, что за тряслись от озноба губы.

Они стояли, не зная, что предпринят дальше.

— Так,— сказал Храмцов после раздумья.— Пожалуй, придется ждать здесь до рассвета. Иного выхода я, к сожалению, не нахожу. Все го четыреста метров, но сплошная трясина. Кстати, светает еще довольно рано: в полови не шестого. А как вы полагаете?

Застрекотало: Устин Яковлевич включи машинку, так как не считал себя вправе еди нолично решать вопрос о ночлеге и хотел вы слушать мнение спутника.

— Я согласен... Дождя вроде не будет.

— Отлично! — обрадовался главный гео лог.— Тогда вернемся к отправной точке.

Они вернулись к трубе. Сели на металл.

Впереди — рукой подать — мерцали огни поселка. Спокойные и теплые.

— Мерзнете? — поинтересовался Храмцов. Встал и, осторожно ступая, двинулся в сторону, противоположную поселку: там еще можно было передвигаться. Через минуту вернулся с охапкой хвороста в руках.

— Очень сырой. Но попробуем. В молодости я завоевал приз факультета за самое быстрое разжигание костра.

Алексей тоже отправился за хворостом. Возвращаясь, увидел, как взвились золотистые языки, закрутился дым, полетели искры. Увидел освещенную голову Храмцова, сосредоточенно дующего в огонь.

Это было блаженством: смотреть на колышущееся пламя, чувствовать на лице горячее дуновение, замечать, как засыхают и отваливаются от голенищ комья грязи.

Алексей разложил у ног чемодан и открыл его. Там, кроме всякой нижней и верхней одежды, оставалось еще кое-что из съестного, положенного матерью перед отъездом: хлеб, кружок колбасы, десяток огурцов в горькой пыльце, уже слегка увядших.

Храмцов, не отрывая взгляда, с огромным интересом изучал горение костра.

— Не желаете? — спросил Алексей.

Храмцов удивленно вскинул брови: мол, о чем это вы? Затем увидел хлеб, колбасу и еще круче вскинул седые свои брови.

Но, опять же как человек интеллигентный, ломаться не стал и вынул свой финский нож.

— Бесподобно! — сказал Устин Яковлевич, отведав колбасы. — Где вы такую купили?

— Домашняя это. Мама стряпала...

— Что вы говорите!.. Позвольте еще кусочек. Спасибо.

Конечно, после того, как поужинали, стало им немного веселее. Чаю только не хватало.

— Устин Яковлевич, а вы правда профессор?

— Да, — горячо подтвердил Храмцов, будто испугавшись, что Алексей в этом может усомниться.

— Чудно! — усмехнулся Алексей.

— Как? Не понял, простите...

— Я думал, профессора все время в кабинетах сидят, в лабораториях разных. В халатах, а на голове — черная такая тюбетеечка...

— Тюбетеечки носят академики, — поправил Храмцов. — Притом главным образом лысые.

— Так как же это выходит: один профессор, значит, сидит себе в кабинете, а другой по болотам лазает?

— Иногда большие научные открытия делаются именно в кабинетах, — заступился за своих коллег Устин Яковлевич.

— Все равно это несправедливо: один в кабинете, а другой по болотам... Вы вот, например, и простудиться можете и утонуть где-нибудь. А на вас, поди, государство сколько денег истратило, чтобы выучить на профессора!..

Храмцов сразу не ответил: может, он подсчитывал, сколько на него государство денег истратило. Потом сказал:

— У меня был товарищ. Однокашник. Но он специализировался по другой отрасли науки и стал, как вы говорите, кабинетным, лабораторным профессором... А знаете, от чего он умер?

— От инфаркта?

— Нет. От лучевой болезни. Несмотря на все предосторожности...

— Ясно, — кивнул головой Алексей.

В домах поселка гасли огни — люди уклады-

вались спать после трудов праведных. Некоторым, должно быть, уже посчастливилось увидеть хорошие сны.

Алексей поежился, поднял воротник шинели.

— А это вы когда-нибудь уже видели? — спросил Храмцов, показывая вверх.

Алексей задрал голову.

Этого он еще никогда не видел.

Через все небо бежали бледные полосы света. Они выстраивались в затейливую пирамиду и, чуть выждав, чтобы зрители на земле могли оценить трудную фигуру, разбегались в стороны. А затем строились уже в иную пирамиду. Там, на небесном просторе, было где разгуляться. И свет гулял — широко, смело...

— Северное сияние. Каково? — с гордостью объявил Храмцов, будто оно, сияние, состояло на техвооружении подчиненного ему Джегорского разведрайона.

— Здорово! — похвалил Алексей. Ему очень понравилось. — А разве оно бывает летом?

— Какое же сейчас лето? Всего месяц остался до зимы...

Тут Храмцов нахмурился. Должно быть, он опять вспомнил о дороге.

8

Поутру Джегор кипит, исходя паром.

Пар с шипением рвется из отопительных труб, катится по земле и возносится клубами.

Различные двери выплескивают наружу густой поток людей. Появляются на белый свет еще неумытые, умытые и уже успевшие измазаться лица.

Поток переливается от столовой к нарядной, от нарядной — к инструменталке, от инструменталки рассеивается по всем направлениям.

Всхрапывают спросонья тракторы, сердито фыркают автомашины. Гаражей пока нет, техника ночует под открытым небом. Открытое небо сегодня студено и ясно. Кедровые стволы высеребрены инеем, в первых лучах солнца серебро становится золотом, потом золото помалу тает и испаряется.

Едва Храмцов и Алексей появились в конторе разведрайона, его, Алексея, тотчас же оттерли от спутника. Различные начальники и заместители плотно окружили Храмцова и, хором требуя от него руководящих указаний, стали протискиваться скопом в какую-то дверь, в тесный фанерный закуток. Так много их набилось, что даже дверь не закрывалась и из двери торчал промасленный стеганый зад замыкающего.

Алексею туда, конечно, нечего было и соваться.

Тогда он стал заглядывать в другие двери конторы. Везде сидели, писали, чертили и кидали на счетах звонкие костяшки. Никто и глаз не поднял на Алексея.

Только в одном закутке на него обратили внимание. Там сидела девица и, нахмурив бровь, вытягивала сердцевину из логарифмической линейки. Бровь у девицы была одна — от виска до виска, красиво изогнутая, соболья. И темные глаза, наподобие смородин. Она подняла свои смородины на Алексея, сиротливо заглядывающего в щелку, и единственная бровь девицы вскинулась.

— Приехали? — вроде даже ахнула девица и, отбросив линейку, вскочила. — Наконец-то!..

— Добрались, — ответил Дённов, немного смущенный тем, что его так долго здесь ждали. — С горем пополам...

Девица подбежала к нему:

— Будем знакомы. Зина Собянина. Я здесь секретарем комитета комсомола.

— Очень приятно, — обрадовался Алексей.

— А где же остальные? — спросила Зина Собянина.

— Какие... остальные? — удивился Алексей. — Мы только вдвоем: я и еще главный геолог, товарищ Храмцов...

Бровь Зины Собяниной прогнулась к переносице. Она скрестила руки на груди и задала вопрос:

— Послушайте, вы по комсомольской путевке? Что вы вообще из себя представляете?

— А я и не представляюсь! — возмутился Алексей. — Никакой у меня нету путевки. Просто приехал работать — и все. По вербовке...

— Дикий, значит? — упавшим голосом сказала девица и, оскорбленная в лучших своих чувствах, смерила Алексея Дённова взглядом с ног до головы.

— То есть как дикий? Совсем даже не дикий, а по организованному оргнабору.

Но Зина Собянина махнула рукой и вернулась за свой стол.

— Мы тут ждем добровольцев из Ярославля, — уже безразличным тоном, не глядя на Алексея, пояснила она. — По комсомольским путевкам. Думала, прибыли...

И стала, насупив бровь, писать на бумажке разные цифры.

Алексей еще больше обиделся.

— А остальных, значит, к чертовой матери? Если не по путевкам. Я вот тоже член комсомола. И тоже по доброй воле приехал...

— Даже на учет не приму, — перебила девица. — Все равно сбежите. Вербованные только и знают, что сбегать.

— Ну, а если не сбегу, отвечать за свои неправильные выражения будете?

Тут Зина Собянина сощурилась и ехидно так заявила:

— Наверное, уже сбежали, товарищ... не знаю, как вас по фамилии. Потому что сейчас всех на строительство дороги направляют, а вы вдруг здесь очутились. А?

Ответить Алексей не успел, так как на плечо его легла чья-то рука. Рука Устина Яковлевича Храмцова. Он вежливо поздоровался с Зиной Собяниной, а Алексею сказал следующее:

— Отправляйтесь на одиннадцатую буровую. Спросите бурмастера Аксюту. Я уже распорядился. Будете работать помощником дизелиста. Желаю вам всего хорошего. На днях увидимся.

Притворяя за собой дверь, Алексей торжествующе оглянулся на секретаря комсомольского комитета. Но Зина Собянина запихивала обратно сердцевину логарифмической линейки и внимания на него не обратила.

Первый же встречный обстоятельно втолковал Алексею, как дойти до одиннадцатой буровой.

— По этой дороге иди прямо и прямо, никуда не сворачивая. Потому что сворачивать всё равно некуда, по бокам лес будет.

Алексей шел, глубоко дыша: прихваченная морозцем осенняя прель и особенная ясность воздуха веселили его молодую душу. Красногрудые и желтогрудые птахи порхали по веткам, вызванивая краткие песенки. На верхушке одного кедра, возле самой дороги, сидел косач — килограммов пять одного мяса — и презрительно косился на Алексея Дённова, который шагал лесом без ружья.

Однако в лесу была и иная жизнь.

Тянулся вдоль дороги телефонный провод, подвешенный к живым столбам: вдоль обочины оставили по дереву через каждые полста шагов на корню, только ветки стесали, приколотили белые чашечки, подцепили коммуникацию. Некоторые такие столбы даже расцветают по весне.

Затем Алексей увидел пасеку. Двое товарищей моторными пилами выкашивали ельник, а трелевочный трактор волочил в сторону большие, прогибающиеся, как прутья, стволы. Посреди тайги получалась обширная такая голая площадка.

Через километр он увидел еще одну площадку, уже расчищенную, а на ней плотники, играя топорами, мастерили помост, вроде сцены в театре.

Еще километр пройдя, Алексей увидел такой же, но уже готовый помост, а на помосте с помощью разнообразных механизмов громоздили четвероногую железную конструкцию.

Такая же конструкция замаячила потом вдали, над верхушками деревьев. В прозрачном воздухе обозначились тросы, которые удерживали на земле рвущуюся в небо вышку.

«Высокая, метров тридцать пять», — смерил глазами Алексей.

Так оно и было: сорок два.

Дальше дорога кончилась, и Алексей догадался, что пришел на одиннадцатую буровую.

Там была кладбищенская тишина. В этой тишине очень громко простучали шаги Алексея, когда он стал взбираться на деревянный помост у подножия вышки.

На его шаги вышел широкий краснолицый человек в телогрейке, а поверх телогрейки еще в брезентовом пиджаке. За ним вышли еще несколько человек, все тоже в брезентовых пиджаках.

— Здравствуйте, — сказал Алексей, скидывая с плеча чемодан.

— А может, вы не на ту улицу попали? Или номер дома спутали? — с грустью спросил краснолицый человек. Остальные весело захохотали.

— Мне нужно бурмастера Аксюту. Я по распоряжению товарища Храмцова, — ответил на это Алексей Дённов.

— Тогда адрес правильный. — Краснолицый закусил зубами рукавицу, стащил ее, а оголившуюся руку протянул Алексею. — Аксюта.

Остальные тоже по очереди поздоровались с Алексеем и назвали всякие фамилии. Смотрели на него с интересом, вполне дружелюбно, немножко прицениваясь: интересно узнать, что ты за человек?

Помолчали.

— А в чемодане вашем, случайно, не глина? Может, попутно прислали малость из конторы, еж ихнюю курицу? — снова с грустью спросил бурмастер.

Все опять захохотали, но на этот раз, как показалось Алексею, совсем невесело: если бы, например, на похоронах было заведено смеяться, то вот так бы и смеялись.

Этого странного смеха Алексей не понял. Поэтому он, обиды не показывая, с достоинством сказал:

— Глины в моем чемодане нет. Подарки купить я тоже позабыл.

— Ладно, сынок...

Бурмастер короткой своей, толстой рукой обнял Алексея за плечи и, не торопясь, повел через скрипучий помост.

— Идем, с дизелистом познакомлю. Зовут тебя как?

Позади вышки вплотную примыкало к помосту сооружение. Туда вела дверь. Они открыли дверь, спустились по лесенке.

Алексею Дённову почудилось, что он вступил в заводской цех. Просторно. Выстроились в ряд дизель-моторы; таких огромных еще никогда не видел Алексей. Пять штук. И еще более огромные насосы. Широкие ленты передач.

— «Шкода»? — спросил Алексей, пошлепав ладонью прохладный корпус дизеля. — Чехословацкие?

Бурмастер категорически завертел головой, ткнул пальцем в табличку с заводской маркой.

— Наши это. Новые. Называются «Уралмаш-5Д». Тысяча пятьсот лошадиных сил...

И вдруг сморщил лицо, затосковал:

— И стоят. Стоят, еж ихнюю курицу, четвертый день стоят!..

Тут только понял Алексей Дённов, почему при входе в этот машинный зал у него пробежал холодок по спине, как при входе в музей; почему так холодна и бестрепетна сталь дизелей и почему такая кладбищенская, такая кричащая тишина окружала эту таежную вышку: здесь не работали...

— Авария, что ли? — посочувствовал Алексей.

— Какая там авария! — досадливо отмахнулся Аксюта. — Глины нет, понимаешь? Для бурения глина нужна — у нас пласты дырявые. А глина кончилась. Стоим стоймя.

И опять упомянул насчет ежа.

Алексей посмотрел на свои сапоги, заволновался и внес рационализаторское предложение:

— Так ведь тут рядом, на дороге, сплошная глина. Еле продерешься.

Все опять прискорбно засмеялись, а бурмастер строго посмотрел на Алексея:

— Нам особая глина нужна. Тампонажная. Карьер за тридцать километров. Без дороги ее как возить? Как ее возить без дороги?..

Тут Аксюта совсем расстроился и стал тыкать пальцем в дощечку «Уралмаш» на корпусе дизеля:

— Они нам вот это, значит, с Урала. А мы им заместо газа что? Что?

Тихо на одиннадцатой буровой. Скрипят кедры в лесу.

— Ну, айда отсыпаться, помощник, — сказал один из брезентовых пиджаков. Он-то и был дизелистом.

Дизелист привел Алексея в домишко, неподалеку от буровой. Уютное такое, сборно-щитовое гнездышко. В гнездышке оказалось народу, как сельдей в бочке. Человек двадцать пять. Некоторые спали на раскладушках, а некоторые играли на гармошке. В углу гремели костями домино.

Дизелист подошел к одной раскладушке, сдернул одеяло и закричал на того, который прежде был под одеялом:

— Сэмэн! Вахту проспал!..

Сэмэн вскочил, одной рукой ухватился за сапог, а другой стал яростно лохматить затылок.

— У нас тут все посменно, — объяснил дизелист. — Одна вахта работает, другая спит, третья «козла забивает». А потом наоборот... Давай, помощник, устраивайся.

Сказать по правде, после ночевки на болоте у сырого костра, после того, как отмахал с тяжелым чемоданом на плече сколько-то километров до одиннадцатой буровой, спать Алексею очень хотелось. Но как-то вроде неудобно начинать работу с лежки на боку. А тут еще, выходит, выгнал человека из-под одеяла, чтобы залезть самому...

— Стучу. Проехал, — огорчился кто-то в углу. И постучал о стол.

В нерешительности Алексей переступал с ноги на ногу, оглядывался.

Должно быть, не так истолковал дизелист его, Алексеево, топтание. И сказал смущенно:

— Тесно, конечно, живем. Нету благоустройства... Но это временно. Скоро еще два дома будут, тогда разживемся с удобствами. Семейным по комнате дадут: можно, значит, жену привезти, у кого есть...

— У мэнэ як раз нэмае, вэзы швыдче, — отомстил за раннюю побудку лохматый Сэмэн.

В окошке Алексею видны были эти два дома, сверкающие свежим тесом крылец, волнистым шифером крыш.

— Так ведь совсем готовые? — удивился он.

— Готовые, — кивнул дизелист. — Только без печей. Кирпича нету. Вот дорогу достроят — привезут...

И задумался. Все задумались, даже стучать по столу дублями стали реже, а спящие стали тише храпеть. Поскрипывали кедры за окном.

— Мы без этой дороги, как на дрейфующей льдине... — сказал дизелист.

— Заперто, — объявили в углу, ударив костью.

Алексей, не торопясь, застегнул крючки шинели и вскинул на плечо чемодан.

(Окончание следует)

Горный ветер

Н. КОНЧАЛОВСКАЯ

В жаркий день мы шли ватагой по полю,
Босиком через канавы шлепали,
По асфальтовой дороге топали,
Отдохнуть легли под сенью тополя.

Облака стояли неподвижные,
Словно кипы белой пухлой ваты,
А лесистые пригорки ближние
Убегали в дальние Карпаты.

День катился... Тени стали длинные...
Вдруг откуда-то издалека
Тронул ветер ветви тополиные
И погнал по небу облака.

Горный ветер. Здравствуй, горный ветер!
Ты в долину прилетел под вечер,
Ты летаешь самолетов выше,
Ты летаешь дальше всех на свете.
Расскажи нам, ветер, что ты слышал,
Что ты видел, расскажи нам, ветер!

Покачался ветер на верхушках,
Вздул на нас рубашки пузырями,
Нам вихры взъерошил на макушках,
Были б двери, — хлопнул бы дверями!..

Только нас ничем он не обидел,
Рассказал нам обо всем, что видел:
Что снега в горах еще не тают,
Что орлы над скалами летают,
Что цветут в горах луга пологие,
Что на склонах травами богатыми
Кормятся бараны крутощогие
Со своими овцами, ягнятами.
А пастух, он в черной шляпе старой,
Он поет и стережет отары...

...Видел ветер, как в селе на свадьбе
Танцевали девушки-гуцулки.
(Вот бы с ними нам потанцевать бы
Под волынку и под бубен гулкий!)
Слышал ветер, как невеста пела,
С жениха сорвал он шляпу смело...

А потом за каменную глыбу
Возле горной речки заглянул
И увидел он, как удит рыбу
Горец-мальчик, маленький гуцул.

Сколько в этой речке пены, плеска,
То клюет форель, то не клюет...
Ветер тянет у мальчишки леску,
А мальчишка песенку поет...

Спой нам песню! Спой нам, ветер горный,
Песню, что невеста запевала,
Или песню ту, что в шляпе черной
Пел пастух в горах у перевала,
Где пасутся горные овечки,
Или ту, что мальчик пел у речки!..

— Я бы спел вам, — ветер прошептал, —
Я бы спел вам, только я... устал...

Ветер лег в траву и вдруг затих
Возле наших ног босых.

НА ПЛАВУЧЕЙ КРЕПОСТИ

В. СОЛОУХИН

Фото А. ГОСТЕВА.

Море было спокойно, катер скользил, почти летел по его поверхности без толчков и без качки. Зеленовато мерцал и переливался бурун.

Когда над катером поднялась и нависла серая стальная стена, где-то наверху заиграл горнист, раздались команды. Офицер с тремя звездами на погонах, оказавшийся командиром корабля, поднялся по качающейся на веревках лестнице и, выслушав рапорт, сказал: «Вольно!»

Мы поняли, что попали в мир установившихся традиций, четкой и размеренной жизни, суровых военных уставов. Мы поняли, что для нас больше нет лестниц, а есть только трапы, нет комнат, а есть каюты и кубрики, нет кухни, а есть камбуз, нет столовой, а есть кают-компания.

Казавшийся издали не таким уж большим, корабль окружил нас всевозможными надстройками, трапами, орудийными башнями, так что нельзя было не потеряться, не заплутаться во всем этом. Идешь, идешь, а все еще корабль, и кажется, не будет ему конца.

Утром, когда мы еще спали, в дверь постучались. Вошел босой матрос в берете с красной звездочкой, в парусиновой куртке и парусиновых штанах.

— Приказано произвести у вас мокрую приборочку, — сообщил он и тотчас взялся за дело.

Мы поднялись на верхнюю палубу. Несколько сот человек, рассыпавшись по кораблю, с юта до бака и от клотика, то есть от самой верхушки, до киля драили, скребли, мыли, чистили судно. Шла «большая приборка». Вот матрос, повесив на ствол орудия ведро с водой, сам забрался на этот же ствол и теперь ползет по нему, продвигая ведро впереди себя. Ему нужно тряпкой с мылом вымыть снаружи орудийный ствол. А вот матросы, взявши каждый по кирпичу, натирают ими палубу. Это — новшество. До сих пор палубу драили речным песком.

В самый разгар приборки вахтенный офицер подал команду, размноженную десятками радиорепродукторов: «Встать к борту!» Несколько сот человек разбежались на две стороны, стали к бортам.

— На флаг и гюйс, смирно!

Наступила полная тишина.

— Флаг и гюйс поднять!

Офицеры берут под козырек. Матросы стоят, не шелохнувшись. Поднимаются красный флаг и гюйс, и, пока они поднимаются, заливисто играет горнист. Вечером так же торжественно флаг и гюйс будут спущены.

Под щедрым летним солнцем и свежим ветерком быстро сохнет палуба. Звучит по кораблю новая команда: всему личному составу быть босиком! Все и так ходят босиком, только нас, гражданских людей, команда застала врасплох. Показалось, что именно для нас она и предназначена. На цыпочках по мокрой еще палубе мы ушли вниз.

В первые часы мы не знали ни одного человека по фамилии, ничего не знали ни о самом корабле, ни о порядке жизни на нем. Постепенно приходила осведомленность. Мы узнали, что многосотенный экипаж состоит из людей, по крайней мере, шестнадцати национальностей и представляет одну дружную семью. Мы узнали также, что на корабле есть свои электростанция, пекарня, прачечная, баня, сапожная мастерская, механическая мастерская с металлорежущими станками и все остальное, что необходимо для нормальной самостоятельной жизни вдали от берегов.

После того, как мы походили по разным мостикам, рубкам, машинным отделениям, корабль стал представляться нам живым существом, которое все видит на огромном расстоянии вокруг себя, все слышит и, если захочет, может уничтожить увиденное и услышанное. Сгусток воли, закованной в броню, корабль мирно дремал на рейде. Голубовато-серая броня его отражалась в голубовато-серой морской воде.

В нашу каюту было проведено радио, по которому иногда транслировалась Москва. Корабельный радиоузел порой запускал свой магнитофон, и тогда звучали разные лирические песенки и легкая танцевальная музыка. Репродуктор нельзя было выключить, и мы вскоре поняли, зачем это сделано. Время от времени музыка прекращалась, и спокойный голос вахтенного офицера произносил: «Очередной смене к вахте приступить!» или «Закончить приборку, команде руки мыть!» Мы были в курсе всех корабельных дел.

Передавали песенки Ива Монтана, когда вдруг все оборвалось, затихло на несколько секунд, и тревожно забился, заметался горн, отрывисто зазвенели звонки и мы услышали: «Боевая тревога, корабль к бою и походу изготовить!»

Мы выскочили в коридор, и тотчас нам пришлось прижаться к стенке, потому что мимо нас, гремя башмаками, бежали матросы. Общий поток их сам собой растекался в разные двери и люки: каждый знал свое место. Грохот башмаков по железным многочисленным трапам, подобный июльскому граду, отгрохотал и прекратился так же внезапно, как и начался. Резко ощутилась тишина.

— По местам стоять, с якоря сниматься! — И цепи толщиной с доброе бревно начали уползать внутрь корабля.

Острый форштевень легко раздвинул неподвижную воду, и корабль, набирая скорость, пошел туда, где терялись в дымке эскортирующие его более легкие корабли.

Людей теперь почти не было видно, зато приводимые в движение невидимыми людьми начали двигаться, шевелиться, крутиться разные части стальных надстроек корабля. Он ощетинился во все стороны десятками орудийных стволов. Спаренные автоматы, стреляющие снарядами, обшаривали чистое, безоблачное небо. Антенны радиолокаторов крутились быстро, торопясь что-то учуять. Развернувшись, угрожающе вскинулись вверх орудия главного калибра.

Несколько часов спокойного плавания ослабили напряженность первых минут. Стало казаться, что ничего уж не случится: повернем сейчас назад и снова придем на рейд, откуда видны зеленые берега.

Но сигнал боевой тревоги прозвучал еще раз. Теперь вслед за ним не последовало беготни, грохота ботинок. Теперь все стояли на своих местах. А та лихорадочная работа, которая началась вслед за сигналом, была недоступна стороннему наблюдателю. Происходило же примерно следующее.

Двадцатилетний ленинградец Леонид Левин, старшина второй статьи и радиометрист, заметил на экране светлое пятнышко. Это могло быть эсминцем, крейсером, транспортом или любым другим кораблем. Называется это одним коротким словом — «цель».

Леонид Левин доложил о цели в боевой информационный пост. Доклад принял капитан-лейтенант Сирош. Он приказал определить курс и скорость «вражеского» корабля.

В то время, когда эсминец — а это был эсминец — шел себе в счастливом неведении или, может быть, готовился, в свою оче-

Вечер на рейде.

редь, «сокрушить» нас, белорус Петр Желудев из деревни Чечицы, веснушчатый юный матрос, при помощи сложных приборов узнал, с какой скоростью и каким курсом движется «враг».

От матроса Желудева известие о цели перебросилось в рубку командира корабля. Теперь от командира зависело уклониться от «боя» с эсминцем или «топить» его, а если «топить», то какими средствами.

На корабле не много людей, хлебнувших настоящего огня и понюхавших настоящего пороха. Командир корабля был одним из этих немногих. Помедлив секунду, он скомандовал:

— Старпом, боевая тревога (в это-то время и зазвенел звонок), старшему артиллеристу приготовиться к стрельбе главным калибром по морской цели!

Как огонь по дорожке из пороха, бежало по разным рубкам, отсекам, башням корабля донесение радиометриста Левина. Вот уже управляющий огнем капитан-лейтенант Замышляев получил приказ открыть огонь. С новой быстротой заметались донесения и команды по кораблю. Многочисленные приборы и аппараты начали свою лихорадочную работу, в результате которой «вражеский» эсминец должен будет пойти ко дну.

Цели почти никто не видел. Больше того: ее и не нужно было видеть. Люди работали с приборами, а приборы делали все, что надо.

Наконец огневая цепочка команд добежала до орудийных башен. И там тоже закипела работа. Заряжающие, замочные, наводчики, раздевающие, загружающие, разгружающие, подносчики, а конкретно — и татарин Нассибулин, и осетин Джикаев, и белорус Масловский, и армянин Ванисян, и кореец Хан, и многие, многие совершили ряд необходимых, заранее известных движений, и вот рука человека последний раз коснулась холодного тяжелого снаряда.

Добывали руду, плавили сталь, обтачивали ее на токарных станках — да мало ли что делали со снарядом десятки и сотни людей, пока он не оказался в стволе орудия! Теперь он был воплощением воли всех находящихся на корабле.

Приник к визиру старшина второй статьи Козицин. Сам он вятский, из глухих мест, где пробираются по лесам налимьи реки. Этот белобрысый парень и был непревзойденным специалистом по ловле налимов из-подо льда прутяными вершами. Набивалось их будто бы столько, что последний налим торчал уж хвостом наружу.

Сейчас забыл о налимах старшина Козицин. Он забыл в эту минуту и про семидесятивосьмилетнюю старушку, что одна-одинешенька ждет не дождется своего сынка. Ну, да теперь недолго, скоро демобилизуется старшина Козицин.

Но сейчас некогда думать об этом. Он удачно поймал цель на визир, и теперь пусть маневрирует и лавирует «обреченный» эсминец. Черточка визира неотступно следует за ним, а вслед за черточкой механически поворачиваются стволы орудий.

Матрос-графист Петр Перкатный, веселый украинец из-под Винницы, не видел цели, как не видело ее большинство людей на корабле. Но это не мешало ему знать, на каком расстоянии находится цель в ту или иную секунду.

— Ревун! — коротко скомандовал управляющий огнем, и ревунщик Воробьев, москвич с Таганки, обеими ладонями толкнул нужные кнопки.

Какая выразительная команда — ревун!

Одновременно с ней раскололся воздух, взревели орудия главного калибра, а чуть позже взревело море километрах в двадцати от орудий.

— Ревун! Ревун! Ревун!..

Залп за залпом сотрясали воздух. Неизвестно, каким чудом оставались целы барабанные перепонки. Очень серьезная вещь — орудия главного калибра!

Отгремело двенадцать залпов, и над морем вновь воцарилась тишина. Восемь залпов накрыли цель, шесть прямых попаданий получил «вражеский» эсминец. Наш корабль лег на обратный курс.

— Как быстро все кончилось! — сказал я с удивлением стоящему рядом офицеру. — Ведь прошло несколько десятков секунд.

— Таков морской бой, — ответил офицер.— Весь вопрос в том, кто кого в эти несколько десятков секунд. Для этих секунд мы учимся целые десятилетия...

Атака торпедных катеров, которой должны были закончиться морские учения, началась вскоре после того, как корабль повернул обратно.

На самом горизонте справа и слева появились ярко-белые пятна. Они начали расти, вытягиваться по горизонту. Дымовая завеса! Из-за нее-то и нужно было ждать атаки. И точно: несколько черных точек вынырнуло из-под белого дыма и с невероятной быстротой понеслось к нам. Потом точечки круто повернули обратно, выпустив новые клубы белой мглы, а наш корабль начал метаться то вправо, то влево, стремясь ускользнуть от торпед.

Но зловещий (как в настоящем бою) крик все же раздался:

— Торпеда слева по борту!

Она была учебной и поэтому безвредно прошла под килем корабля, оставив узкий красноватый след.

— А если бы настоящая?

— Мы сейчас, по всей вероятности, не разговаривали бы с вами.

— Значит, очень плохо, что они сумели попасть в нас?

— Почему плохо? Хорошо! Катера-то наши, советские. Значит, торпедисты — молодцы, хорошо свое дело знают.

...Теперь не на рейде должен был встать корабль, а к стенке, рядом с другими боевыми кораблями. И оказывается, нельзя так просто встать и причалить к этой самой стенке.

По морским традициям, личный состав корабля стоял по стойке «смирно» и на других кораблях тоже стояли по стойке «смирно», тем самым приветствуя товарища.

На верхней палубе корабельные трубачи торжественно трубили, запрокинув головы, высоко вверх вскинув золотистые трубы. Вместе с торжественностью звучала медь еще и задором, потому что были молоды корабельные трубачи!

Управляет огнем капитан-лейтенант Замышляев.

На баке в свободную минуту.

«Служим Советскому Союзу!»

ВЫСШИЙ ИНТЕРЕС

Я. ФОМЕНКО

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Смена прошла, опустел заводской двор.

Впервые его фамилию мне довелось услышать в вагоне электрички.

Утренний «час пик» на московских пригородных линиях миновал. Пассажиров было немного. Они сидели порознь. Кто читал, кто, глядя в окно, любовался цветущими садами, а кто подремывал.

Состав тронулся со станции Щербинка, когда в вагон вскочили два парня, оба в замасленных, служивших, очевидно, спецовками спортивных костюмах. Один из них сел позади меня, спина к спине, и так громко и взволнованно заговорил, что я закрыл журнал и стал слушать.

— Скажи,— допытывался один из вошедших,— имеет он право отбирать паспорт? Что я, хулиганил, дрался, приставал к кому? Пришел к Тоне. Сидим чинно-мирно. Она вяжет, я байки рассказываю. Вбегает комендант и во все горло орет: «Опять посторонние? Я предупреждал, девушки: койки буду отбирать. Тут не дом свиданий!» Вот хам-то! Подходит ко мне: «Кто такой?» Знает же и Тоню и меня! Знает: мы не так себе, шалтай-болтай. Зарегистрированы, законные. Требует: «Ваш паспорт!» На «вы», понимаешь!.. Я, дурак, растерялся, подаю, а он паспорт в карман — и к двери. Что я, преступник? Виноваты мы, что в общежитиях живем? Я — в одном, она — в другом. Обещают комнату, когда дом достроят. А у меня, может, сын скоро будет.

— Да-а! — сочувствует приятель.

Пострадавший от комендантского гнева продолжает более спокойно:

— Хорошо, Тоня была. Знаешь, какая она уверенная? Брось, говорит, не связывайся. Был бы человек, а то манекен без головы. Прикажут — сам паспорт принесет. Сказала про манекен — мне смешно стало. Умеет она влиять на меня.

Немного помолчав, парень признается:

— Будь один на один, побил бы!

— И в дураках остался бы. Так и влетают. Благодари жинку.

— Все же проучить его надо!

Они поговорили о том, как посчитаться с комендантом, а когда поезд подходил уже к Подольску, второй парень посоветовал:

— Знаешь что? Пойди к Лабудину!

И оба они соскочили на перрон.

Я знал фамилии руководителей подольских организаций. Лабудина среди них не было. Кто же он?

Прошло не больше двух дней, когда я, сидя в редакции многотиражки Подольского машиностроительного завода имени Орджоникидзе, услыхал другой разговор.

— ...Пришел к нему инвалид и жалуется: ни на одном заводе в Подольске не берутся сделать леворучную косу. Косят так: правой рукой разгоняют, левой придерживают. А если правой руки нету? Не вывернешься наизнанку. Легче косу перевернуть. Ладили обыкновенную — не получается. К Лабудину. Попробую, говорит, помочь. У него это вроде поговорки: «Попробую»... Ездил, звонил по телефону, писал — и добился. На Урале завод есть, косы вырабатывает. Перевернули там косу на левую сторону и почтой выслали. Уральцы, они находчивые. И Лабудин настойчивый, надо сказать.

Снова Лабудин! Я спросил, кто он. Мне ответили:

— Модельщик с нашего завода.

* * *

Встречу мы назначили у второй проходной. Я пришел раньше назначенного времени. Кроме вахтеров и старушки, торговавшей семечками, у проходной не было ни души.

Вскоре цепочкой потянулись люди, идущие на смену. После гудка хлынул встречный людской поток. Покупатели оттопыривали карманы, старушка шустро орудовала граненым стаканом, и в ее изогнутую лодочкой сморщенную ладонь с тихим звоном падала мелочь.

Проходили литейщики. Я узнавал их по запыленным курткам и темным, будто подведенным подглазьям. Проходили столяры с неотряхнутыми, завитыми в спиральки стружками на одежде. Шли девушки-подсобницы, похожие на мальчишек в непомерно широких в бедрах штанах. Я вглядывался в лица, боясь прозевать Лабудина.

Мы познакомились с ним утром в цехе, где пахло краской и сосной. Первое, что я увидел, войдя в цех, были модели. Своими неожиданными, почти фантастическими очертаниями они напомнили мне сценическую бутафорию к «Аэлите». Чего тут только не было! И громадные щиты, облепленные укороченными цилиндрами. И конусообразные фигуры с плавными линиями изгибов и закруглений. И сооружения с острыми, ребристыми выступами.

Среди этих диковинных вещей стоял человек в голубой майке. Чуть покатые плечи, влажный от работы лоб, полоска шрама над верхней губой и сдержанная улыбка — таким запомнился Василий Николаевич Лабудин в минуту знакомства. Отрывать его от работы было неудобно. Я коротко объяснил цель своего прихода и отправился смотреть цех.

Говоря откровенно, модельный участок произвел не совсем отрадное впечатление. Скученно, тесно. Помещение плотно заставлено верстаками, штабелями досок и брусков. Без груза — и то надо двигаться бочком в узких проходах. А каково материалы переносить!

Не в укор дирекции будь сказано... Хотя почему «не в укор»? Трудно предположить, что руководители завода не понимают, насколько важен модельный участок, и так же трудно представить, что у них нет возможности улучшить его. Где, как не в модельном, впервые материализуются технические замыслы? Где, как не в модельном, из чертежей рождаются копии деталей будущих паровых котлов и части будущей нефтеаппаратуры, выпускаемых заводом? Точность отливок, экономия металла, эффективность труда формовщиков и литейщиков — разве не зависит все это от модельщиков? Почему же такое невнимание?

...Долго, однако, задерживается Василий Николаевич. Людской поток схлынул, старушка завернула пустой мешок в газету и ушла, а его все нет. Мне хотелось поговорить с ним о заводских делах в связи с перестройкой руководства промышленностью.

Я решил уже, что прозевал Лабудина, когда увидал его в проеме двери. Он шел, накинув пиджак на одно плечо.

— Задержали. Срочное дело,— коротко объяснил он.

Мы медленно шли по асфальтовой дорожке.

— Живу совсем близко,— заговорил Лабудин.— Пять минут — и дома. А раньше в Бережки ходил. Двадцать лет... Оттуда до Подольска пять километров, и обратно столько же. Бережки — моя родина.

В манере разговаривать я почувствовал такую же сдержанность, как и в улыбке при первом рукопожатии. Лабудин говорил рублеными фразами, словно экономил время и слова.

Когда я спросил про Бережки, он коротко ответил:

— Село так себе...

Позже я узнал, что его отец, происхождением из крестьян, ушел в Москву, когда ее улицы освещались еще газом, и нанялся ремонтером газовой сети. Работал недолго. Однажды, когда он проверял свой участок, на него налетел автомобиль. Фабрикант спешил на бал, а Николай Лабудин остался безногим.

Лабудин-младший пошел в столяры.

— Сызмальства полюбилась обработка дерева,— говорил Василий Николаевич, когда мы сидели с ним уже в его квартире.— Часами мог смотреть, как режут фигурную облицовку избы. И сейчас люблю возиться. Металл медленно обрабатывается. Дерево податливее. Из него, что хочу, быстро сработаю. К металлу близко стою, а работать люблю с деревом.

Когда речь зашла о перестройке руководства промышлен-

ностью, Василий Николаевич начал издалека, со своей профессии. Он говорил:

— Модельщик без воображения не модельщик. Перед тем, как взяться за фуганок или пилу, он в мыслях видит деталь. И как ее лить придется, и где она потом в машине пристроится, и какая нагрузка ей припадет. Пространственное представление, так я понимаю. Бывают случаи: расчет по чертежу будто правильный, а дело не клеится. Однажды надо было отлить стойку абсорбера. Есть такая деталь. И не особенно сложная на первый взгляд. Толклись, толклись — чепуха получалась. Самолюбие задело. До того увлекся — ни сна, ни отдыха. Закрою глаза — стойка мерещится. И так и этак ее в мыслях раскладывал. Не в цехе, не на работе — дома, ночью нашел решение.

У модельщиков есть такое выражение: «Делать с копыла». Получил эталон — валяй! А потом выходит: «Сказка скоро сказывается, да дело долго делается». Забудут про технологию литья — начинается му́ка. Литейное дело — сплошной эксперимент. Только и знай ищи, мозгуй, фантазируй, прикидывай. Со стороны кажется ерунда! Чертеж есть? Шпарь по готовому! Беда! А может, конструктора надо поправить? Такой же он человек, как и я. От ошибки не застрахован. И торопиться у нас любят. Скорей, срочно, немедленно! Тратить попусту время и лентяи умеют. Верно. Но что лучше: час подумать, а потом сделать или сделать быстро, а потом неделю исправлять, доискиваться, где напортачил? Ведь какое мудрое правило: «Семь раз отмерь — один раз отрежь»! А в производстве у нас иной раз так бывает: рубанем, а потом меряем: правильно рубанули? Поспешишь, говорят, людей насмешишь.

Металлисты про нас, модельщиков, говорят: «Эх вы, деревянных дел мастера!» А по нашему дереву из металла машину делают. Дерево дереву — рознь. Про глупого человека говорят: «Дуб да и только!» А дайте мастеру дуб, он из него такую умнейшую штуку сработает!

Василий Николаевич признался, как однажды он «изменил» дереву. Случилось это в войну. Принесли броневой щит от самолета-штурмовика. Конфигурация затейливая, а ни чертежей, ничего. И каждая минута на счету. Фронт не ждал. И родилась тогда у Лабудина идея: а что, если гипс применить? Штампы обычно отливают по моделям из клееного дерева. Лабудин рискнул, пошел на эксперимент. Результаты превзошли ожидания. Гипс оказался превосходным заменителем дерева. Изготовление броневых щитов намного ускорилось. Они получались настолько точными, что требовали минимальной механической обработки. Оставалось пройтись по ним шлифовальным камнем — и готово.

С той поры в модельное дело вошел лабудинский способ изготовления моделей и штампов, способ, почти вдесятеро более выгодный, нежели обычный.

— Участок наш маленький. Среди заводов и фабрик Московского областного совнархоза его и приметить трудно. Мне думается, все же не занимаемой площадью измеряется его значение. Часто жалуются на плохое литье. А посмотрите, какие цехи более всего отстали в технике. У нас на заводе литейный. Много кустарщины. Хромает снабжение. Все знают: для литейных цехов нужна формовочная смесь. Ее у нас называют по привычке «землей». Будто так: взял из любого оврага землю — и набивай опоки. Гончары, и то глину выбирают. На кирпич — и то не всякая «земля» идет. А тут формовочная смесь! Не вникают у нас часто в такие дела. Считают их очень уж простыми. Паровой котел сверхвысокого давления — важно, а «земля» — подумаешь! А «свищи» откуда? А-а?! Сварка и литье плохие. Раковины и прочие штуки. И сколько труда потом даром тратится! Я думаю, высший интерес у нас — беречь человека, его труд. Нам интересно поставить дело так, чтоб человек наш трудился с наибольшей пользой для себя и для государства. Потрудился час — результат... Что за удовольствие прорехи латать, ошибки да недоделки устранять? В котле какое давление? Сто и больше атмосфер. И температура — пятьсот и больше градусов выше нуля. Представьте, при испытании котла на месте, на станции, вдруг обнаруживается слабина — скрытый брак в литье. А ведь котел везли за тысячи километров, собирали, сваривали. Сколько труда уйдет напрасно из-за одной ошибки! Из-за того, что у нас «земля», а не формовочная смесь! На отливку детали, на сварку уходят часы, а на исправление недоделок — дни, а то и недели.

Я думал про нынешнюю перестройку. Правильно сделано. Мне кажется, партия, главное, и беспокоилась о народном труде, когда разрабатывала пути перестройки. Как я говорил, это высший наш интерес — производительно, умно трудиться. Лишние перевозки — долой! Лишняя трата труда, средств, материалов — долой! Лишние инстанции — долой! Несостоятельные руководители — неудобно тут сказать — долой! Скажем: возьмите должности поменьше.

Теперь над нами совнархоз, а не министерство. Ближе он будет к заводу? Расстояние в километрах то же самое. Министерство было в Москве, и совнархоз в Москве. Не в километрах суть. Совнархоз, как я думаю, руководить должен иначе. Влезть, как говорится, в нутро каждого завода. И не только завода, а каждого цеха. И до нашего маленького модельного участка дойти. Иначе опять останется «вообще» и «в среднем».

Про специалистов так могу сказать. Посмотришь: инженеров и техников у нас хоть отбавляй. А где они? В отделах и главках. Что же, всех в цехи? Не обязательно. Нельзя только потому, что мы богаты специалистами, совать их куда надо и куда не надо. В конструкторских бюро разве они не нужны?

Совнархоз должен поинтересоваться лишними должностями на заводах. Близкий пример. Когда-то на два наших участка — модельный и упаковочный — один мастер приходился. Один за все отвечал и справлялся. Теперь у нас два начальника участка, мастера, нормировщик, нарядчик, кладовщик. Когда много начальников, трудно брешь пробить, добраться до того, кто окончательное решение принимает. Раньше по пустяку до министра приходилось добираться.

У нас вот ликвидировали инструментальный отдел. И правильно! Мы и раньше задавали вопрос: зачем этот отдел? Нам отвечали: тормошить вас надо. Чтоб «тормошить» кого-то, целый отдел существовал. По-хозяйски это? Слава богу, передали эту функцию главному технологу.

Серьезный вопрос — литейный цех. Идет такой разговор: построить специальный литейный завод, а от своих литейных освободиться. Вообще разумно. Вместо технически отсталых цехов, как у нас, например, мощный, по последнему слову техники, районный или совнархозовский, как он будет там называться, завод. Стянуть туда лучших рабочих, специалистов. Будем дешевле заготовки получать. Только берет меня сомнение: всем ли заводам следует освобождаться от литейных цехов? Наш завод, к примеру, громадина, специализирован на производстве котлов больших мощностей. Один котелок — электростанция в двести тысяч киловатт. Выгодно ли отрывать от такого завода литье? Рассчитать надо. Лично я не берусь утверждать, что́ лучше. Совнархозу придется заняться. Литейные — очень важный вопрос. От них тянутся ниточки во все другие цехи. Если говорить правду, большая доля брака получается из-за отсталой техники в литье. А кому он нужен, брак?

Мы многого ждем от перестройки. Люди наши так говорят: многого уже достигли, а заработаем в полную силу, та́к в го́ру потянемся, держись! И верно. Посмотрите: когда нет задержек с инструментом, с ремонтом оборудования, с материалами, — по две, по три нормы дают. И ритм появится, я вас уверяю.

Время было позднее. Я забросил словечко насчет встречи на завтра, но Василий Николаевич извинился:

— Не могу. Завтра прием...

* * *

Дорогу, по которой мы идем, строил когда-то Антон Павлович Чехов. Мы возвращаемся из города Чехова, где у Василия Николаевича был прием, на станцию Лопасня.

Я напросился в спутники и нисколько не жалею потраченного на поездку времени. Модельщик Василий Николаевич Лабудин — депутат Верховного Совета РСФСР. Наблюдая его в этой роли, я понял, где первоисточники его популярности среди местного населения. Он так же прост в кабинете, как и у себя в цехе, как дома. С такой же добросовестностью, как на производстве, он исполняет обязанности депутата. Надо сказать, что к нему идут с делами, куда более сложными, чем самые сложные детали, которые ему приходится моделировать у себя в цехе. Идут к нему и садоводы-любители, и брошенные мужьями жены, и застройщики, и матери свихнувшихся с правильного пути сыновей, идут с замысловатыми, раздутыми до драматических конфликтов пустяками и с настоящим человеческим горем. Чтобы разобраться во множестве хитросплетений жизни, нужен не только собственный опыт. Нужен и «высший интерес», как сказал Василий Николаевич по поводу задач производства, который означает просто бережное отношение к людям.

В вагоне электрички по дороге из Лопасни в Подольск я спросил Лабудина, не приходили ли к нему молодожены с жалобой на коменданта общежития, и рассказал, при каких обстоятельствах я впервые услыхал его фамилию. Василий Николаевич ответил просто:

— Придут... Что ж, попробую помочь.

Он молодо спрыгнул на перрон и зашагал по направлению к рабочему поселку.

Василий Николаевич Лабудин.

ЧЕРВЛЕНЫЕ БУРУНЫ

Фото Я. РЮМКИНА.

В Дагестане, между реками Тереком и Кумой, распласталась широкая волнистая равнина — Ногайские степи. Сыпучие пески, буруны, словно желтые островки среди зеленого разнотравья — отличной кормовой базы. Здесь искони находятся пастбища для овец. Воду получают из артезианских колодцев.

В центре Ногайских степей, вдали от железной дороги и населенных пунктов, раскинулась центральная усадьба племенного овцеводческого совхоза «Червленые буруны». На его бескрайних пастбищах пасутся тридцать шесть тысяч овец. Нельзя не залюбоваться, когда видишь огромную отару, где все овцы кажутся как бы близнецами, отлитыми из одной формы.

Научные работники в содружестве со специалистами—чабанами совхоза — в результате многолетней кропотливой работы создали отечественную породу овцы—«грозненская тонкорунная». Она отличается тем, что дает много шерсти.

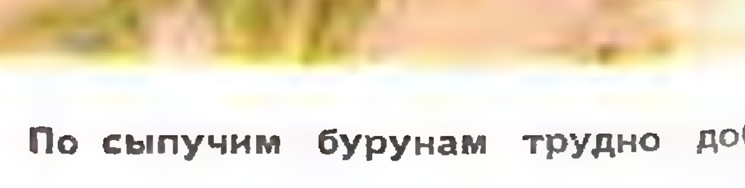
В тридцать пять краев и областей нашей страны, от Кавказа до Хабаровска, поставляет совхоз «Червленые буруны» «грозненскую тонкорунную» для улучшения местных пород.

В среднем с каждой такой овцы настригают 7,7 килограмма высококачественной шерсти. Около 200 тонн шерсти сдает это хозяйство государству.

Доброй славой в Дагестане пользуется старший чабан совхоза «Червленые буруны» Яринбай Абдулкадыров. Мастер овцеводства за высокие показатели по выращиванию поголовья удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Ежедневно самолет доставляет в совхоз письма, свежие газеты и журналы. Летчик В. Ольховой привез очередную почту.

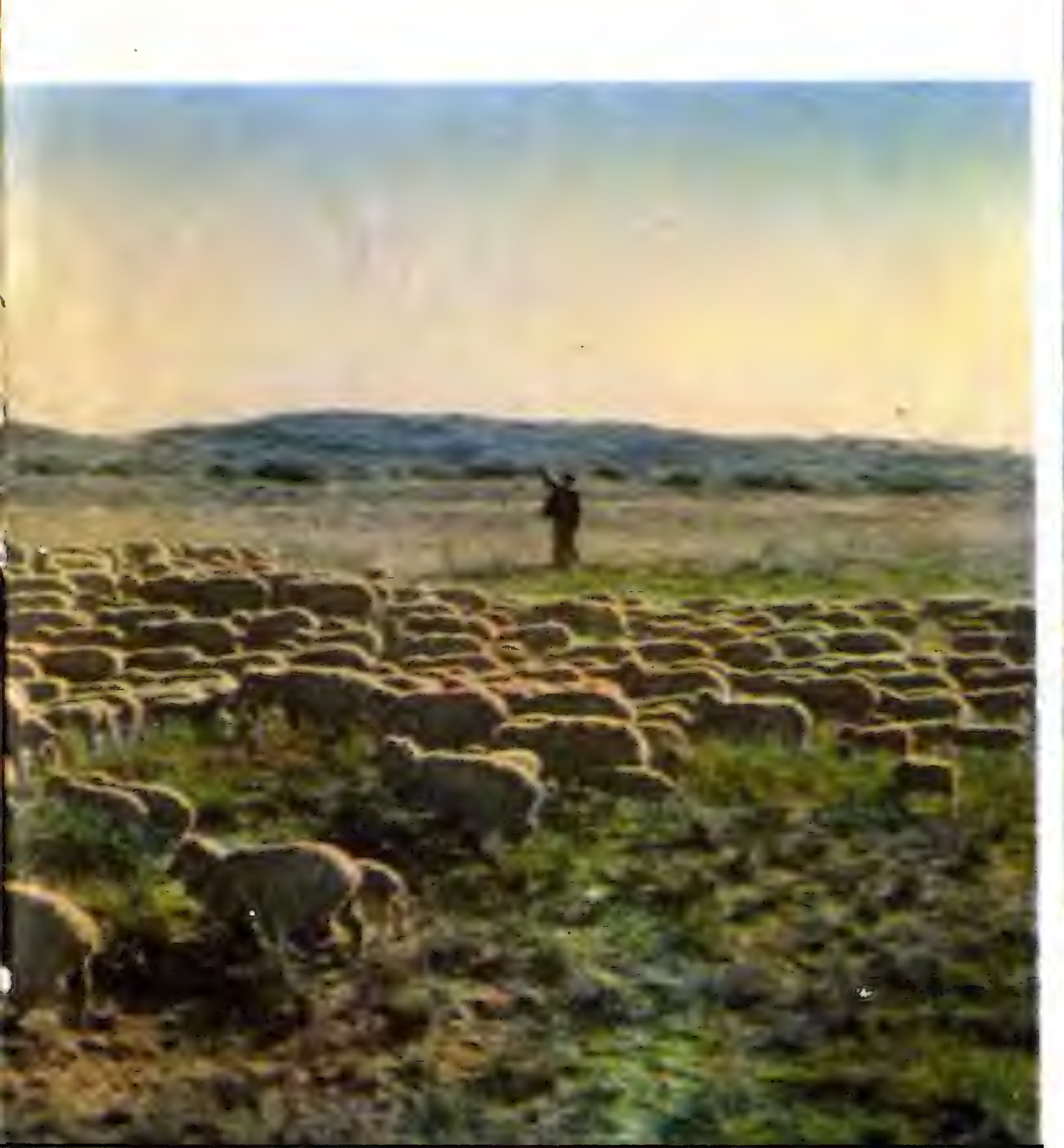

По сыпучим бурунам трудно доб

Стадо овец на пастбище.

ся к фермам и бригадам совхоза даже на машинах высокой проходимости.

За племенными овцами в совхоз приехали председатель колхоза Караногайского района К. Бальлишиев и зоотехник Н. Менласанов. Директор совхоза М. Краповинский (в центре) показывает гостям овец.

Из центральной усадьбы совхоза к кошаре чабана Юсупа Аманкаева прибыла кинопередвижка. Механик П. Алейников знакомит семью чабана с устройством киноаппарата.

Старейший чабан совхоза Юманеш Абулжалиев показывает ребятам барана породы «грозненская тонкорунная».

Военные люди

Недавно я познакомился с очень хорошими людьми — полковником Лелюхом, лейтенантом Ершовым, старшиной Добудько, солдатами Селиваном Громоздкиным, Петенькой Рябовым и их товарищами. А люди это не простые. Лучше всего их характеризуют думы самого полковника Лелюха: «Лелюх много слышал о людях с «военной косточкой», но считал это выдумкой тех, кто хотел бы выделиться из общей массы людей невоенных. Однако сейчас он готов был поверить в реальность этой самой «косточки», впервые подумав о том, до чего ж сам он весь, ну весь, до последней косточки, человек военный».

Так вот, люди они военные; если хотите, могу познакомить с ними и вас: на страницах первого и второго номеров журнала «Нева» за нынешний год напечатана повесть Михаила Алексеева «Наследники». Повесть заставляет подумать о многом, в том числе о существенном, на мой взгляд, недостатке образов военных в нашей литературе.

Часто встречаешь в книгах сталевара, агронома, шахтера, искренне гордящегося своей профессией, в глубине души считающего ее более важной, чем другие. Но вот когда дело доходит до людей военных, то писателей, а еще более редакторов охватывает непонятная робость. Много ли у нас в литературе образов советских военных-профессионалов? Да, да, именно профессионалов! Пришедших в армию, как один из героев повести М. Алексеева, лейтенант Ершов, мальчишками, остающихся в армии до седых волос? Может быть, я неправ, но мне кажется, что М. Алексеев первым или, во всяком случае, одним из первых заговорил о таких людях, которые именно в армии нашли наиболее полное применение своим силам и способностям. И в этом большая заслуга писателя.

Я не буду рассказывать о том, каковы черты советских военных: они знакомы каждому. Скажу только, что М. Алексеев сумел раскрыть их достаточно полно и впечатляюще.

И еще. Мы слишком поспешно расстались с некоторыми понятиями, забыв, что отрицательное в прошлом может быть положительным сейчас. Вот, например, слова «честь мундира» у нас употребляются только фельетонистами. Редко услышишь об офицерской чести, офицерской гордости, а молчать об этом не следует, тем более, что чувства эти в высокой степени присущи нашим военным. Конечно же, человеку, который посвятил себя защите страны Советов, можно и нужно гордиться и мундиром и званием офицерским!

Пожалуй, нигде так вольготно не чувствовали себя любители бесконфликтности, как в литературе об армии. Возникла даже «теория»: офицер должен изображаться не иначе, как некое подобие безгрешного угодника, иначе, дескать, это подорвет авторитет всех офицеров во всей Советской Армии.

У М. Алексеева мы встречаемся с офицерами, вряд ли достойными этого звания, — Пустыниным и Шелушенковым. Особенно любопытен Пустынин. Человек всю жизнь учился, как говорится, «повышал уровень», а когда пришла пора отдавать народу накопленные за народный счет знания, оказалось, что... время уходить в отставку. Вот и получилось, что прожил век свой Пустынин мирским захребетником.

Очень интересны в повести главы, рассказывающие об испытательном взрыве атомной бомбы. Насколько мне известно, никто из наших писателей еще не обращался к этой теме.

Если военная жизнь изображена М. Алексеевым ярко и полно, то не совсем удалось автору показать связь ее с трудовыми буднями всей страны. История с любимой солдата Громоздкина, Настенькой, сама по себе выписанная хорошо, все же выглядит как вставной эпизод. Но главное в повести — военные люди. И этих людей мы успеваем полюбить всей душой.

Михаил Алексеев. Наследники. Повесть. Журнал «Нева» №№ 1, 2. 1957.

Юрий УСЫЧЕНКО

Устремленность в будущее

Биографичность творчества — одна из тех черт, которые как-то особенно окрыляют многие произведения нашей поэзии, сообщают ей все новые и новые силы. Обычно настоящий поэт рассказывает о своей судьбе, о самом себе, а в его биографии, в его раздумье, как в капле воды, отражается народная жизнь. Так лично пережитое, перечувствованное стало основой широких обобщений в произведениях талантливой эстонской поэтессы Деборы Вааранди. Она родилась в 1916 году на острове Саарема и рано познала тяжесть крестьянской доли. На ее родном острове еще все дышало памятью восстания 1919 года, когда трудящиеся наотрез отказались выполнить волю буржуазных правителей тогдашней Эстонии и не выступили против частей Красной Армии. Впечатления детства и юности остро врезались в память будущей поэтессы и нашли затем самое непосредственное отражение в ее творчестве.

После Великой Отечественной войны вместе с ростом молодой республики начинает набирать силы талант поэтессы, крепнет ее голос. Особенно ярко тема советской нови звучит в стихотворении Д. Вааранди «Северное побережье», посвященном Эстонии — труженице, Эстонии — строительнице своего счастья. Рассказывается только об одном маленьком уголке страны — о дороге, связывающей Таллин с Нарвой, но мы начинаем повсюду видеть приметы нового. Лирический герой стихотворения, шагающий по дороге вдоль берега моря, совершенно неотделим от всего происходящего вокруг. На его пути ничего особенного вроде бы и не происходит: рыбаки сушат сети, крестьяне работают в поле, «комсомольцы мчатся с эстафетой, словно крылья выросли у них»,— но все это полно особого внутреннего смысла, нам как бы сопутствует чистое, живое дыхание моря. Образ этот дал название целой книге, вышедшей на русском языке еще в 1950 году,— «Под шум прибоя». Особенно поэтичны заключительные строки «Северного побережья»:

И в своем огромном
напряженье
Так сердца волнуют нам
они,
Эти — вечно полные
движенья —
Жизни нашей радостные
дни!

Устремленность в будущее, страстное желание охватить взором открывающуюся даль нашего завтра — одно из замечательных качеств поэтессы. Она любит мечту. Мечта — ее стихия. Это наглядно проявилось в поэме «Старец из Юлемисте и юный градостроитель». В произведении, посвященном генеральному плану реконструкции Таллина, автор вводит старинное народное предание, что помогает сделать мечту его героя еще более возвышенной и в то же время вполне реальной.

Талант Деборы Вааранди отличает большой гражданский темперамент, стремление поэтессы показать движение народа за утверждение советской нови. Может быть, наиболее точно Д. Вааранди выразила цель всей своей жизни в стихотворении «В октябре»:

О человеке будущем мечтая,
Быть языком его души хочу!
О, если бы я овладела словом,
Что расцветет в том человеке
новом,
В котором будет слова
красота
С великой силой чувств и дел
слита!

Этим и дороги нам ее стихи, этим и трогает нас ее высокое вдохновение.

В. ТЕЛЬПУГОВ

Дебора Вааранди. Стихотворения и поэмы. Гослитиздат. Москва, 1956 151 стр.

МЕЧТА

Литературное наследие Сергея Есенина в полном объеме доныне не собрано воедино. Сам поэт, составляя в последний год жизни трехтомное собрание своих сочинений, отнесся к этому делу строго и оставил за пределами собрания целый ряд произведений, а о некоторых стихотворениях, в свое время напечатанных им самим, по-видимому, просто позабыл.

Не вошедшие в трехтомник произведения составили четвертый, дополнительный, том собрания сочинений Есенина. В дальнейшем время от времени в печати появлялись неизвестные или забытые стихи этого поэта, дополняющие наше представление о его творческом облике.

Мы публикуем стихотворение Сергея Есенина «Мечта», затерявшееся в журнале «Нива» за 1918 год (№ 3 от 20 января). Этот некогда самый распространенный в России иллюстрированный журнал в 1918 году влачил жалкое существование, а в сентябре 1918 года его издание прекратилось. К «Ниве» за этот год мало кто обращался, и потому, очевидно, стихи Есенина ускользнули от внимания библиографов и литературоведов.

Вл. ОРЛОВ

1

В темной роще на зеленых елях
Золотятся листья вялых ив.
Выхожу я на высокий берег,
Где покойно плещется залив.

Две луны, рога свои качая,
Замутили желтым дымом зыбь.
Гладь озер с травой не различая,
Тихо плачет на болоте выпь.

В этом голосе обкошенного луга
Слышу я знакомый сердцу зов.
Ты зовешь меня, моя подруга,
Погрустить у сонных берегов.

Много лет я не был здесь, и много
Встреч веселых видел и разлук,
Но всегда хранил в себе я строго
Нежный сгиб твоих туманных рук.

2

Тихий отрок, чувствующий кротко,
Голубей целующий в уста,—
Тонкий стан с медлительной походкой
Я любил в тебе, моя мечта.

Я бродил по городам и селам,
Я искал тебя, где ты живешь.
И со смехом резвым и веселым
Часто ты меня манила в рожь.

За оградой монастырской кроясь,
Я вошел однажды в белый храм:
Синею водою солнце, моясь,
Свой орарь мне кинуло к ногам.

Я стоял, как инок, в блеске алом,
Вдруг сдавила горло тишина...
Ты вошла под черным покрывалом
И, поникнув, стала у окна.

3

С паперти под колокол гудящий
Ты сходила в благовоньи свеч.
И не мог я, ласково дрожащий,
Не коснуться рук твоих и плеч.

Я хотел сказать тебе так много,
Что томило душу с ранних пор,
Но дымилась тихая дорога
В незакатном полыме озер.

Ты взглянула тихо на долины,
Где в траве ползла кудряво мгла...
С твоего увядшего чела...

Чуть бледнели складки от одежды,
И казалось в русле темных вод,—
Уходя, жевал мои надежды
Твой беззубый, шамкающий рот.

4

Но недолго душу холод мучил,
Как крыло, прильнув к ее ногам.
Новый короб чувства я навьючил
И пошел по новым берегам.

Безо шва стянулась в сердце рана,
Страсть погасла, и любовь прошла.
Но опять пришла ты из тумана,
И была красива и светла.

Ты шепнула, заслонясь рукою:
«Посмотри же, как я молода.
Это жизнь тебя пугала мною,
Я же вся — как воздух и вода».

В голосах обкошенного луга
Слышу я знакомый сердцу зов.
Ты зовешь меня, моя подруга,
Погрустить у сонных берегов.

Сергей ЕСЕНИН

ЕГО ИМЯ НОСИТ СЕЛЬСКАЯ БОЛЬНИЦА

Николай Насибян закончил медицинский институт незадолго до начала войны и работал в родном селе Кохб. Когда же грянула война, он отправился на фронт. После победы врач снова вернулся в родные места. Дел оказалось очень много. Особенно волновали его желудочно-кишечные заболевания: не помогали ни лечение, ни профилактика. Насибян больше не сомневался, что причиной болезни является качество питьевой воды. Следовало построить водопровод. Насибян стал душой этого дела. И действительно, после того, как село получило хорошую питьевую воду, желудочно-кишечные заболевания сразу прекратились.

Насибяна часто можно было видеть на скотоводческих фермах, в домах колхозников, в мастерской машинно-тракторной станции, в школе — всюду, где врач мог быть полезен.

Его избрали депутатом сельского Совета. И он многое сделал для земляков. При его активном участии было построено новое здание сельской больницы, организован колхозный санаторий.

За десять лет работы в родном селе доктор Насибян завоевал любовь и уважение крестьян.

...Было уже около полуночи, когда кто-то тревожно постучал в окно. Из дальнего горного села просили врачебной помощи. Сколько было в жизни Насибяна таких случаев, когда он, забыв об отдыхе, под проливным дождем или в снежную бурю, часто пешком преодолевал длинный путь, чтобы помочь больным! Но сегодня он сам болен, опасно болен.

— Быть может, пошлешь фельдшера, он достаточно опытен? — осторожно пытается уговорить жена.

Но Насибян поднялся и пошел сам по залитой дождем сельской улице.

Эта ночь оказалась роковой для благородного человека. На следующий день крестьяне несли на станцию своего любимого врача, чтобы отправить на операцию в Ереван. Несли на носилках: больной был в тяжелом состоянии, и везти его на машине нельзя. Но это уже не спасло Насибяна.

После его смерти больнице села присвоили имя Николая Насибяна — прекрасного человека, посвятившего свою жизнь охране здоровья народа.

Р. ПАРСАДАНЯН

Ереван.

Н. Насибян и член-корреспондент Академии медицинских наук А. Б. Алексанян.
Фото А. Экекяна.

Столетний юбилей

Ирина Яковлевна Иванова.

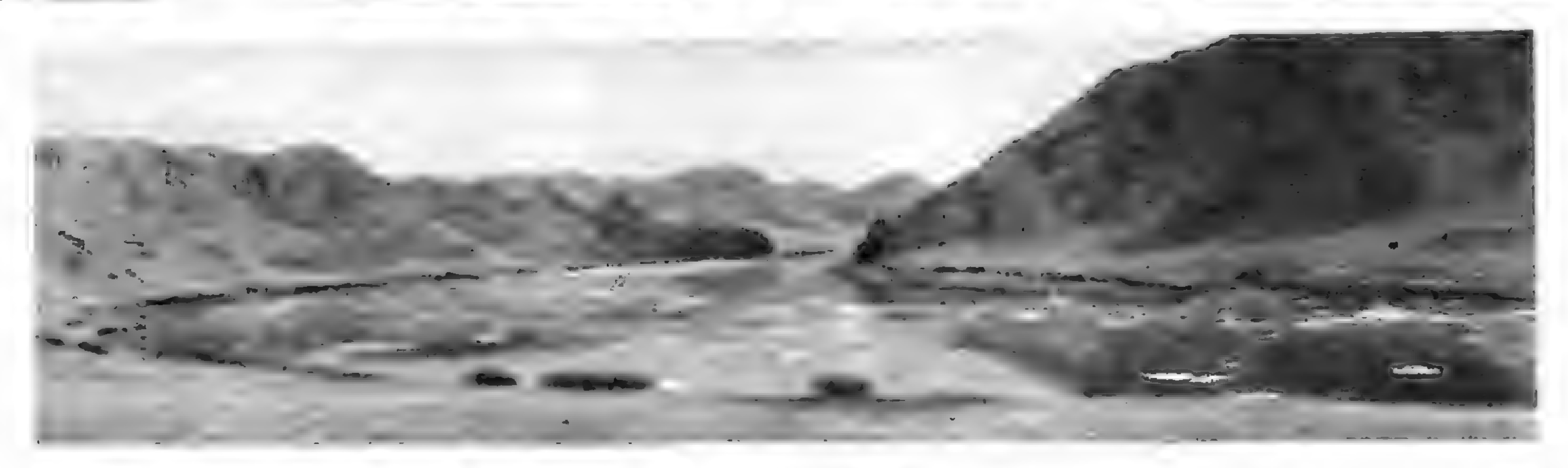
Ткачихе, ныне пенсионерке, И. Я. Ивановой исполнилось сто лет. Эту дату отметил весь коллектив Шуйского дома инвалидов, где сейчас живет Ирина Яковлевна. Юбиляру преподнесли подарки, в том числе от директора Шуйской объединенной фабрики, на которой она работала последнее время.

Ирина Яковлевна вспоминает:

— Тринадцати лет пошла я работать. Станок был для меня очень высок, приходилось подставлять скамеечку. Вся жизнь проходила на фабрике, а зарабатывала гроши. Раньше старые да больные по миру ходили. А сейчас моя старость обеспечена. В Доме инвалидов у нас все есть в достатке.

Л. ОХЛОПКОВ

Шуя.

Река Или у Капчигая.

Неподалеку от Алма-Аты

Бурная река Или мчит свои воды из Китая, со склонов Тянь-Шаня. На советской территории долина Или становится очень широкой, но как только река вступает в пределы Алма-Атинской области, ей преграждают путь невысокие горы. Это Капчигай, что по-казахски означает «мешочек». Река попадает в этот каменный «мешочек» и сужается, с трудом прорезая угрюмые. голые скалы.

Скоро здесь, на берегах Или, в 60 километрах от Алма-Аты, начнется строительство Капчигайской гидроэлектростанции. В настоящее время еще идут изыскания, геологическая экспедиция Гидропроекта бурит в скалах разведочные скважины.

Капчигайская ГЭС даст электрический ток Алма-Ате, позволит развить промышленность в Южном Казахстане и улучшит судоходство на реке Или.

Инженер-геолог **А. ВИКТОРОВ**

Телевизоры «Заря» и «Мир»

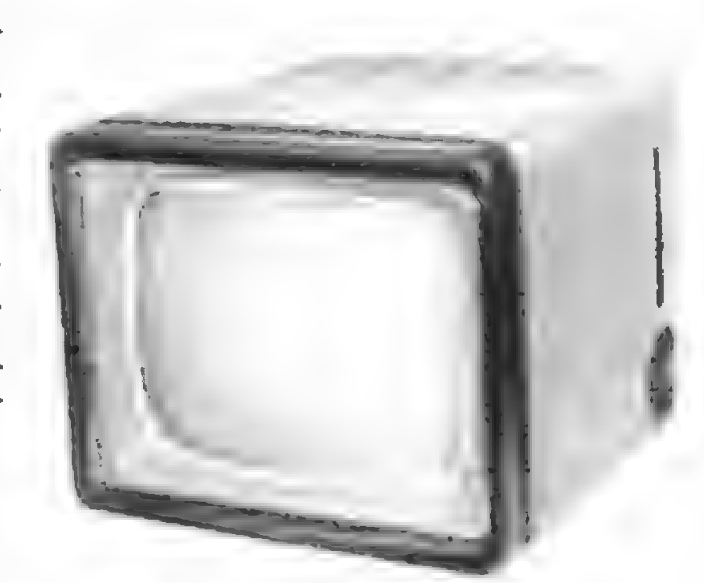

Телевизор «Мир».

Новый малогабаритный двенадцатиламповый телевизионный приемник назван «Зарей». Этот телевизор разработан в лаборатории Ленинградского завода имени Козицкого и в недалеком будущем, как можно надеяться, станет таким же популярным, как и «КВН-49».

Размер изображения на экране — 280×210 миллиметров. При экране такого размера отпадает надобность в дополнительной линзе. Телевизор «Заря» предназначен для приема пяти программ. Управление приемником осуществляется ручками, выведенными сбоку и сзади футляра. Серийный выпуск «Зари» начнется в 1958 году.

Кроме того, завод имени Козицкого приступил к серийному выпуску нового телевизионного приемника «Мир», также рассчитанного на пять программ. Он обладает высокой чувствительностью, его экран—330×440 миллиметров.

Телевизор «Заря».

В телевизоре осуществлено дистанционное управление, позволяющее на расстоянии регулировать яркость и громкость с помощью дополнительных ручек, установленных на выносной отдельной колодке.

Н. ВАВИЛОВ

Ленинград.

Эти письма отправлены в 1929 году...

Рабочим Москвы, Ленинграда и Дмитрова небезынтересно будет узнать о судьбе писем, посланных ими в 1929 году через МОПР политическим заключенным ревельской тюрьмы в буржуазной Эстонии.

Научный сотрудник Центрального государственного архива Эстонской ССР Э. Пальм обнаружил в личном деле политзаключенного Центральной тюрьмы О. Сепре четыре таких письма. Из записей в личном деле видно, что эти письма были переданы Сепре в то время, когда он находился на излечении в тюремной больнице. Возвращаясь из больницы, Сепре часть писем спрятал в бинты, которыми были забинтованы его ноги, а часть — в кусок хлеба. По возвращении в тюрьму Сепре был подвергнут обыску, причем он оказал сопротивление надзирателю. За обнаруженные письма и сопротивление при обыске Сепре заключили в карцер. Его также лишили права свидания с родными и получения посылок в течение месяца.

О. Сепре в настоящее время работает старшим научным сотрудником в Институте экономики Академии наук ЭССР. В буржуазной Эстонии он находился 14 лет в заключении за революционную деятельность. Вот что рассказал нам О. Сепре по поводу писем:

— В тюремной больнице охрана была несколько слабее, чем в самой тюрьме. Кроме того, в больнице почти постоянно находился один из политических заключенных, болевший туберкулезом, который имел связь с волей. Через этого товарища и передавалась корреспонденция. Большинство писем доходило по назначению, но пакет, в котором находились письма, полученные из МОПРа, был слишком велик, поэтому его и обнаружили.

О. А. Сепре.

Письма писали в Эстонию рабочие московского завода «Красное звено», Дмитровской фарфоровой фабрики, Ленинградской 3-й табачной фабрики имени К. Цеткин и активисты МОПРа при местkоме правления Октябрьской железной дороги. Они сообщали о своих успехах, писали о братской солидарности русского рабочего класса с пролетариями других стран, сообщали о переводе денег для политзаключенных. В одном из этих писем говорилось: «Рабочие Дмитровской государственной фарфоровой фабрики шлют вам свой пламенный пролетарский привет в день борьбы против империалистической войны.

Мы горячо приветствуем вас, самоотверженных борцов за дело рабочего класса,— узников мирового капитала! Вы страдаете за великое дело, за социализм, за революцию! Честь вам и слава!

А мы, рабочие СССР, здесь, в свободной Стране Советов, строим социализм и знаем, что каждая новая фабрика и новый завод в СССР — это могучее оружие против империалистов всех стран.

...Мы знаем, что в гор. Риге, в Латвии, живет наш бывший хозяин — капиталист Кузнецов, знаем, что он точит зубы на нас, что мечтает о возвращении обратно, на теплое хозяйское место, только зря эта буржуазная сволочь мечтает. Ничего не выйдет! Своей фабрики и своей Страны Советов мы обратно им не отдадим!

А вот в то, что в Риге рабочие отнимут у Кузнецова его капиталы,— в это мы твердо верим!»

Их надежды сбылись.

В. ГУСАРОВА

Таллин.

Цхалтубо строится

Новый санаторий металлургов.
Фото И. Сакуна.

Из года в год благоустраивается и хорошеет Цхалтубо. Строятся новые здания санаториев, поликлиник, культурных учреждений.

Сейчас в Цхалтубо работает девять санаториев и сооружается еще шесть. Недавно вступил в строй новый санаторий для металлургов.

В текущем году на благоустройство курорта будет израсходовано один миллион 400 тысяч рублей.

В. ЛАЛИАШВИЛИ

Кутаиси.

Горная река укрощена

Широкий размах приобрело водохозяйственное строительство в Ширванской степи в Азербайджане. Здесь наряду с сооружением Верхне-Ширванского канала длиною в 123 километра завершается строительство большого гидроузла на реке Туриан-Чай.

Незадолго до войны на Туриан-Чае действовала примитивная оросительная система. Здесь было множество мелководных каналов: 36 на правом берегу реки, 29 на левом. Общая протяженность этих каналов составляла 660 километров.

В дни весенних и осенних паводков бурные потоки устремлялись по этим многочисленным каналам, затопляя тысячи гектаров плодородных земель и превращая их в непроходимые болота.

Теперь на пути горной реки стоят гидротехнические сооружения.

Интересная особенность нового гидроузла — автоматические козырьки, построенные взамен дорогостоящей водосливной бетонной плотины. Гидротехническое новшество позволило инженерам-проектировщикам удешевить строительство гидроузла на 1 миллион рублей.

Новый гидроузел позволит оросить около 30 тысяч гектаров плодородных земель. Труженики десятков колхозов Ширвани навсегда будут избавлены от угрозы затопления посевов.

А. ПРИВОЛЬНЫЙ

Баку.

Головное сооружение на реке Туриан-Чай.
Фото М. Фришмана.

СНОВА О СТРУЖКЕ

Больше года назад на страницах нашего журнала (см. «Огонек» № 2 за 1956 год) был напечатан очерк «О стружке». Он рассказывал о расточительстве металла, о потерях, превышающих 3 миллиона тонн в год.

О безобразиях со стружкой писал не только «Огонек». Печать и общественность настойчиво требовали от ряда производственных министерств, чтобы эта острая проблема была наконец решена. Однако голос общественности до сих пор не услышан.

Вот что пишет в редакцию киевский инженер Григорий Павлович Трегубенко:

«...Подсчитано, что потери из-за неправильного, бесхозяйственного использования стружки по всей промышленности приближаются к миллиарду рублей в год. Только по одному Киевскому заводу станков-автоматов имени М. Горького они составляют 800 тысяч рублей ежегодно.

Что же изменилось с тех пор, как «Огонек» и другие органы печати выступили против этого вопиющего расточительства?

Да почти ничего!

Недопустимо сейчас, после всех указаний партии, после решений о перестройке управления промышленностью, о выявлении резервов, о строгой экономии, терпеть такое положение, когда тысячи и тысячи тонн металла летят в трубу, железнодорожный транспорт занимается перевозками стружки.

Вот уже около двух лет я занимаюсь этим вопросом. Выступал на общезаводских собраниях, в заводской и республиканской печати. Пока все это остается гласом вопиющего в пустыне. Ни на одном предприятии Киева, в том числе и на нашем заводе станков-автоматов, не организовано брикетирование стружки.

В ноябре прошлого года приезжал к нам начальник Главстанкопрома министерства тов. Карпов. Он проводил на заводе совещание. Я выступил, напомнил, что мы уже давно просим выделить нам брикетировочный пресс, но и это не помогло.

Спрашивается, когда закончится это бюрократическое отношение к столь важной проблеме? Когда наши заводы будут обеспечены необходимым оборудованием?

Далеко не случайно английская фирма «Филдинг» рекламирует свои прессы для брикетирования на страницах нашего московского «Вестника машиностроения». Мы не против покупок хорошего оборудования за границей, когда в этом есть нужда. Но разве не возмутительно, что мы рекламируем иностранное оборудование, а о производстве своего не заботимся? В настоящее время пока только Щербаковский завод полиграфического машиностроения (хотя эта продукция не свойственна его профилю) выпускает прессы для брикетирования стружки, да еще немного дает Одесский завод прессов...

Что нужно, по нашему мнению, предпринять, чтобы решить эту простую задачу?

Уточнить потребности заводов в прессах. Распределить заказы на оборудование (пусть займутся этим совнархозы). Принять решение, что машиностроительные заводы могут сдавать стружку только в переработанном виде (брикеты). За нарушение этого положения взыскивать штрафы с конкретных виновников расточительства народного добра.

Может, другие работники промышленности внесут и свои практические предложения. Одно ясно: терпеть дальнейшее расточительство металла нельзя больше ни одного дня!».

Благородная тревога советского человека—хозяина своей страны — звучит в этом письме. То, что сообщает тов. Трегубенко о положении на киевских заводах, не является фактом исключительным. Недавно газета «Труд» сообщала, что около 500 тысяч тонн металла было превращено в стружку на заводах Москвы за один прошлый год.

Проблема стружки — большая проблема!

Такую картину можно увидеть на многих заводских дворах.

В защиту косметики

Я прочитала в «Огоньке» (№ 9, «День в Масловке») о письме Валентины Петровны Бондаренко, в котором был упомянут Институт врачебной косметики, и упомянут в резко отрицательном тоне.

Я приветствую энергичную борьбу Валентины Петровны за открытие детского сада в селе Масловке.

В 1921 году, когда мне исполнилось только 16 лет и, конечно, детей у меня не было, я вместе с другими коммунистками и комсомолками города Тулы приложила немало сил и энергии для открытия первого детского сада на Патронном заводе.

Помню, как мы тогда ехали на грузовике, доверху полном маленькими кроватками, стульчиками, столиками и игрушками, с красным флагом на кабине шофера.

Ликовал весь город: все знали, что женотделки открывают детские сады, ясли, дома матери и ребенка, родильные дома, столовые, прачечные. Если учесть, какое это было время, то нам, пожалуй, приходилось труднее, чем сегодня в Масловке.

А теперь я врач-косметолог и принимаю деятельное участие в создании советской косметики.

Институты косметики есть в Киеве, Ленинграде Риге и Ташкенте, а косметические лечебницы — почти во всех областных городах. Я уверена, что придет час и, может быть, с помощью Валентины Петровны Бондаренко будет организована косметическая лечебница и в селе Масловке.

Все возрастает благосостояние нашего народа, все больше становится самых разных потребностей у наших людей.

Пренебрежительное отношение к косметике — явление нередкое, но мы не унываем. Просто не все задумываются, что это значит в жизни.

На амбулаторном приеме мы ежедневно «утираем слезы»... Вот входит девушка редкой красоты и обаяния, садится на стул и заливается слезами. Скоро у нее свадьба. Жених ничего не знает о ее беде: несколько лет назад она шутя сбрила себе пушок на верхней губе, и у нее стали расти усы, которые теперь она ежедневно бреет. Мы договорились: свадьба откладывается, девушка для всех «уезжает», а на самом деле она две недели отращивает усы, а потом мы удаляем их начисто. Разве мы только удалили растительность на верхней губе? Нет, мы предотвратили некоторые неприятности в жизни молодой семьи.

Или другой пример. На приеме мать. Но больна не она, а 20-летняя дочь: девичье лицо покрыто гнойными узлами, жировиками и рубцами. Нина, рослая, дородная девушка, одаренный математик, способная студентка, активная комсомолка,— дома деспот. Весь день она сидит на диване, отвернувшись к стене, не хочет наряжаться, бывать на людях, сидит и переживает свое «уродство». Отец ходит на цыпочках: это он «виноват», у него в юношестве были такие же угри. Мать плачет и просит помочь дочери. И если мы ей по мере возможности поможем, разве это не заслужит одобрения каждого человека?

Следующий на очереди — студент, который давно лечится от раннего облысения. Вместо приветствия он спрашивает:

— Ну, как? Я не спал всю ночь.

Спускаюсь в лабораторию и смотрю в микроскоп. Ответ довольно утешительный. До начала лечения у молодого человека в сутки выпадало около 150 волос, а после мытья — 250—300. Теперь он с педантичной точностью собирает с подушки все выпавшие за ночь волосы, собирает их с расчески, считает и знает, что их бывает не больше 70 в сутки. Да и другие сдвиги есть: разрывная прочность повысилась.

— Да, да, я сам чувствую, что волосы окрепли, они уже не ломаются, не матовые. Спасибо вам, доктор.— Тут он вспоминает, что забыл поздороваться, и делает это одновременно с прощанием.

Настроение у студента улучшилось, учиться, надо полагать, он будет лучше, а разве это одно не оправдывает нашей работы?

Валентина Петровна и товарищи, согласные с ней! Мы, врачи-косметологи, хотим поднять свой голос в защиту наших пациентов. Ведь всякие недостатки на лице и на теле травмируют психику людей, отражаются на их трудоспособности.

Детские ясли и детские сады очень нужны, но институты врачебной косметики тоже имеют право на существование. Я с радостью отдаю свои силы и знания для создания советской косметики.

В. АНДРЕЕВА,
кандидат медицинских наук.

Москва.

КИБЕРНЕТИКА И ЖИЗНЬ

Инженер И. РАДУНСКАЯ

Рисунки Ю. Черепанова.

В Париже участников состоявшейся не так давно международной технической конференции пригласили на необычный прием, устроенный редакциями двух технических журналов. У входа гостей встречал не организатор приема, как это бывает, а робот-автомат. Гость вручал ему свой пригласительный билет, и автомат громким голосом объявлял его имя и фамилию. В то же мгновение камеры телевизионных установок, нацеленные на пришедшего, передавали его изображение на нескольких экранах телевизоров в зале.

Угощали здесь тоже автоматы. Одни из них подавали бутерброды и закуски, другие — напитки. Автоматическим виночерпиям приходилось довольно трудно: ведь им нужно было менять состав коктейлей в зависимости от того, кто подходил к ним, мужчина или женщина. Однако меха-

нические официанты справлялись, говорят, со своими обязанностями недурно...

Кроме того, парижане показали гостям новые автоматы и кибернетические устройства. Автоматический стенограф выдавал отпечатанный на машинке текст речи только что выступившего оратора.

...Кибернетический прием, автоматы-кафе и автоматы-буфеты... В наш век, когда машины с фантастической быстротой производят сложнейшие, недоступные человеку вычисления, выполняют функции переводчиков и бухгалтеров, библиографов и плановиков, стенографисток и машинисток, играют в шахматы, сочиняют стихи и любовные письма и даже «пишут» музыку, стоит ли этому удивляться? Кибернетика за последние годы стала чрезвычайно модной и разносторонней.

В научно-исследовательских лабораториях бегают кибернетические «черепахи» и «мыши». Ученые-биофизики создали кибернетическое «сердце» и пытаются построить кибернетический «мозг».

Некоторые зарубежные писатели додумались до того, что представили в своих произведениях трагическую картину будущего, которое ожидает человечество: «общество» из «мыслящих» автоматов. Собственно, человека, по их мнению, тогда не будет, а наступит эра стальных людей...

Даже некоторые художники отдают дань моде, причисляя себя к новому направлению, «кибернетическому». А участникам конгресса по кибернетике, который происходил недавно в Бельгии, в Намюре, пришлось даже выслушать напутствие... католической церкви этой молодой науке.

Так есть ли предел возможностям кибернетики?

Чтобы разобраться во всем этом, имеет смысл побывать в скромном здании в Москве, которое находится недалеко от Белорусского вокзала...

От «черепахи» и «мыши» к автоматам будущего

«Черепахи», конечно, не живые, а механические, за последнее время стали необычайно популярны. О них наперебой пишут в журналах, их показывают в кино и по телевидению, их «повадки» служат темой научных споров и философских раздумий...

Сняв крышку, можно увидеть механизм «черепахи».

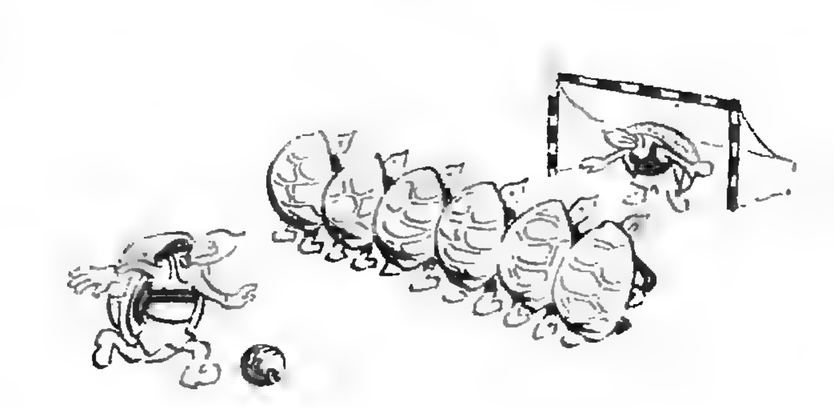
Наибольшую известность приобрели «черепахи» английского инженера и психиатра Грея Уолтера и австрийского инженера Земанеха, недавно воспроизведенные также немецким инженером Эвальдом Эйхлером.

«Черепаха» сделана и у нас, в Институте автоматики и телемеханики Академии наук СССР, и служит моделью, на примере которой ученые создают более сложные автоматы.

Основное назначение механической «черепахи» — поиск света, который она упрямо совершает, несмотря на изменения в окружающей обстановке. «Черепаха» в поиске света ползает по полу, время от времени поворачивается вокруг своей оси, как бы оглядывая окружающее пространство. От громкого голоса или хлопка она замирает, совсем как испуганное животное, притворяющееся мертвым.

Особенно поражает в ней то, что эту металлическую «черепаху» можно «дрессировать» и «обучать» почти как животное.

Если во время обхода «черепахой» препятствия несколько раз свистнуть или хлопнуть в ладоши, у нее вырабатывается «условный рефлекс» на звук. Теперь, если свистнуть даже во время ее движения вперед, она уже не замирает, как прежде, а поступит так, как будто она натолкну-

лась на невидимое препятствие: «черепаха» начнет обходить его.

Устройство такой «игрушки» настолько просто, что «черепаху» уже делают студенты Московского инженерно-физического института. И они не слепо подражают конструкторам созданной «черепахи» — кандидатам технических наук А. М. Петровскому и Р. В. Васильеву,— а вносят в ее конструкцию и свое.

Вероятно, и для самых маленьких — а среди них, наверно, не мало тех, кто впоследствии будет заниматься усовершенствованием этих еще примитивных «одушевленных» механизмов,— скоро появятся новые игрушки. Ведь две такие «черепахи» способны забавно гонять блестящий шарик, играя в футбол, и делать много других интересных вещей.

Легко предвидеть, что механизмы, подобные «черепахе», но гораздо более совершенные, найдут широкое применение в технике. Это будут не только самоходные приборы для исследования дна океана или недоступных человеку поверхностей планет после запуска первых автоматических межпланетных ракет.

Если существует «черепаха», то отчего нельзя представить себе автоматической транспортной или сельскохозяйственной машины? Или почему не могут быть приборы-труженики, новые автоматические регуляторы производственных процессов, учитывающие течение процесса, приспосабливающиеся к изменениям качества сырья, реагирующие на износ инструмента, то есть все более полно облегчающие труд человека?

С помощью моделей, аналогичных «черепахе», уже создана машина—диспетчер аэропорта. Такая машина, получая от радиолокаторов сведения о самолетах, идущих на посадку, в первую очередь будет пропускать на посадочную площадку те из них, на борту которых, по дополнительным сведениям, находится больной или подходит к концу горючее. В случае получения сигналов аварии машина-диспетчер направит самолет на запасную посадочную площадку.

Теперь несколько слов о «мышах».

Первая кибернетическая «мышь» была построена американским ученым К. Шенноном, и она действительно напоминала игрушечную мышь. Целью ее было добраться до «сала» — куска железа, который помещался в одной из клеток лабиринта — системы длинных, запутанных коридоров. Если «мышь» в первый раз пускалась в путь в поисках «сала», она шла далеко не кратчайшим путем. Но, добравшись однажды до «сала», она в следующий раз устремлялась к нему по самой короткой дороге, затрачивая на это гораздо меньше времени. Создавалось впечатление, что «мышь» запоминала дорогу.

Советские инженеры тоже построили «мышь», однако она ничем не напоминает модель Шеннона.

— Осуществить такую модель было нетрудно,— сказал автор нашей «мыши» кандидат технических наук В. И. Иванов.— Это довольно простая комбинация реле, которые в случае необходимости остаются включенными нужное время и тем самым «запоминают» определенную цель. Большим достоинством нашей модели является то, что во время ускоренного поиска ее не сбивают внешние помехи. Это пока еще только модель, сейчас задача состоит в том, чтобы по аналогичному принципу построить новые машины и механизмы, способные учитывать накапливаемый ими опыт и находить наилучшие решения в зависимости от условий работы.

Легко можно себе представить, как будет работать автомат, созданный по такому принципу, скажем, для библиографических целей, автомат-библиограф. В таком автомате «сало» — это ячейки, в которых хранятся библиографические карточки по определенным разделам науки, техники, искусства, причем крупные разделы будут подразделяться на мелкие, те, в свою очередь, на еще более мелкие, образуя как бы лабиринт

В. И. Иванов доволен: автомат безошибочно осуществил ускоренный поиск.

для поиска. Получив запрос о требуемой литературе, автомат-библиограф, как «мышь», прощупает все разделы — ячейки своей «памяти», пока не найдет «сало», то есть не нащупает требуемый раздел, тогда он и выдаст нужные сведения.

Сложное в простом

Специалисты убеждены, что самые сложные автоматы, выполняющие «различные» функции, можно создать с помощью простых технических средств. Доказательством этому может служить еще одна схема, разработанная в той же лаборатории, что и «мышь». Макет ее демонстрировался на Всесоюзной промышленной выставке.

Вспомните, как трудно дозвониться до справочного бюро вокзала. Сколько раз вы ни набираете номер, в ответ все время частые высокие гудки — занято. И это понятно: обычно десятки человек одновременно пытаются вызвать справочное бюро.

Новая схема придаст АТС способность включать вызывающих строго по очереди. Набрав нужный номер, можно будет спокойно ждать ответа. Автомат не до-

пустит нарушения очереди. Кроме того, такая схема сможет следить за равномерной загрузкой разнообразного оборудования, например, лифтов в высотных домах. Лифты в них располагаются группами, в общих шахтах. Но чаще всего работает тот лифт, который расположен ближе к двери. Это приводит к неравномерному износу подъемных машин. Новая схема устранит этот недостаток. Эта схема, которая может применяться в самых различных областях, представляет собой одно из самонастраивающихся устройств, осуществляющее управление тем или иным процессом без участия человека.

При необходимости самонастраивающиеся устройства могут учитывать не только один выбранный конструктором показатель, но и несколько различных признаков одновременно. Например, при формировании железнодорожных составов на узловых станциях прибор может учитывать не только время прибытия вагонов, но и характер груза, пропуская в первую очередь скоропортящиеся и срочные грузы. Это не только улучшит использование подвижного состава и ускорит доставку важных грузов, но и упростит работу диспетчера и сцепщиков. При сортировке почты в почтовых отделениях такой автомат сможет учитывать расписание не только поездов, но и самолетов, количество корреспонденций и посылок, отправляемых в различных направлениях, и даже их срочность.

Словом, описанные модели обладают свойством учитывать много различных обстоятельств. Что же дает им возможность обучаться, использовать предыдущий опыт, приспосабливаться к меняющимся внешним условиям? Прежде всего память.

Подобием памяти снабжены и многие автоматы. Однако ничего сверхъестественного в этом нет. Все объясняется довольно простыми физическими и химическими явлениями и процессами. Примеров технической памяти вокруг нас сколько угодно: магнитофон «запоминает» звук, книга — текст, фотография — изображение, а электрический счетчик — расход энергии.

Эта «память» помогает приобрести автоматам «навык» в процессе работы. Кроме того, простейшие устройства, общеизвестные в технике как специальные реле, помогают им приспосабливаться к изменениям окружающей среды, то есть самонастраиваться, самоорганизовываться в процессе работы. Они выполняют ряд чисто логических функций, осуществляют поиск наиболее правильного решения, обладают свойством запоминать это решение и анализировать свои действия. Вот почему такие автоматы в отличие от примитивных, способных производить одни и те же простейшие операции, называются кибернетическими. Они воспроизводят, модулируют некоторые задачи управления: управляют работой станков, технологическими процессами, заводами и электростанциями.

Естественно, что ученые, приходящие в Институт автоматики и телемеханики АН СССР, спешат познакомиться с первыми представителями отечественных самонастраивающихся приборов. Один из них — кибернетический автомат, использующий энергию сжатого воздуха, автомат, имеющий широкое общепромышленное назначение. Разработан он в лаборатории пневматических устройств института.

Чудесный регулятор

Поддерживать постоянное число оборотов двигателя при различных загрузках, одинаковую скорость движения самолета при различных условиях полета, давление и подачу воздуха, напряжение и ток в электрической сети и многое другое — со всеми этими задачами легко справляется современный автоматический регулятор. Это значит, что он всегда обеспечивает то значение регулируемой величины, которое ему заранее задано, или изменяет ее по определенной, также заранее ему заданной программе. Но очень часто оказывается, что эта программа не самая выгодная. Например, никогда нельзя теоретически учесть, как влияет на режим работы двигателя внутреннего сгорания внешняя температура и давление воздуха, нагар на стенках камеры сгорания, износ деталей. Как же поступить в этом случае?

У ученых возникла мысль: нельзя ли сделать так, чтобы регулятор все время настраивался сам на наиболее выгодный режим работы, чтобы он сам, как по волшебству, отыскивал и находил наилучшие, наиболее выгодные условия течения процесса?

Действительно, неплохо было бы установить такой регулятор, скажем, на тепловозе. Условия работы его двигателя часто меняются: то тепловоз идет на подъем, то спускается вниз; дневной зной сменяется ночной прохладой; качество горючего не всегда постоянно. Машинисту трудно обеспечить наивыгоднейший режим работы в зависимости от внешних условий. И вот здесь незаменим автомат, способный действовать самостоятельно.

В 1943 году советский ученый, доктор технических наук В. В. Казакевич выдвинул идею такого поискового, работающего на наилучших режимах регулятора. Этот регулятор приспосабливается к изменениям, происшедшим внутри прибора и во внешней среде, совсем как человек. Действительно, как действовал бы человек, если бы ему пришлось вручную регулировать режим работы двигателя внутреннего сгорания, чтобы поддерживать коэффициент полезного действия — КПД двигателя — наивыгоднейшим, несмотря на то, что условия работы все время меняются? Оператор должен был бы все время следить за величиной КПД и в случае его падения изменять количество горючего и воздуха, подаваемого в двигатель, менять положение заслонки, пропускающей воздух. Но до каких же пор оператор будет поворачивать заслонку? Вероятно, пока величина КПД, возрастая, не начнет снова падать. Это значит, что максимум КПД отыскан и уже пройден. Тогда оператор несколько вернется назад, передвигая заслонку на небольшой угол обратно. И так до тех пор, пока прибор не покажет самое большое значение КПД. Время от времени оператор должен повторять операцию поиска максимального КПД, так как это значение может со временем меняться. Действия оператора в этом случае можно, пожалуй, сравнить с действиями эквилибриста на проволоке, когда он наклоном туловища старается в каждый момент найти новое положение равновесия, которое все время меняется из-за непроизвольных сокращений его мускулов, качания проволоки...

Как видите, поиск наивыгоднейшего режима требует опыта, знаний.

Но, конечно, ручное регулирование — процесс очень медленный. В сложных, быстротечных процессах оператор не может обеспечить удовлетворительного качества регулирования, как бы опытен он ни был. Не говоря уже о том, что во многих случаях невозможно для этих целей использовать человека.

А можно ли эти действия поручить механизму? Конечно, и это сделано в новом типе регуляторов.

Такой регулятор должен содержать механизм, который реагировал бы на направление, или, как говорят, на знак изменения какой-либо величины. По-латыни знак носит название «сигн». «Сигнум-реле» — так называлось одно из специальных устройств, следящее за изменением КПД, примененное В. В. Казакевичем в его первом поисковом регуляторе.

Кстати, поисковый регулятор не обязательно отыскивает самое большое значение регулируемой величины. Иногда его задачей является поиск самого малого значения, например, минимального расхода горючего самолетом при данной скорости. Поиск наибольшего или наименьшего, но всегда наивыгоднейшего значения ученые иногда называют поиском экстремума, а регуляторы описываемого типа — экстремальными.

Экстремальный пневматический регулятор, созданный в Институте автоматики и телемеханики АН СССР аспирантом Ю. И. Островским, работает на сжатом воздухе.

С помощью экстремального регулятора можно поддерживать тот расход воздуха, который обеспечивает наиболее экономичную работу парового котла, находить наиболее выгодную скорость полета воздушного корабля, определять наилучшие условия протекания химического процесса, устанавливать эффективный режим бурения нефтяных скважин и многое другое.

Экстремальные регуляторы — одно из прогрессивных направлений в борьбе за технический прогресс нашей промышленности. Они, как и другие самонастраивающиеся, обучающиеся и обладающие способностью выбора приборы, представляют собой первые результаты практического применения основ кибернетики. Иначе говоря, они обладают способностью выбирать, и в этом отношении в какой-то степени копируют работу человеческого мозга. Поэтому-то их и называют кибернетическими. Но, снабженная даже самыми фантастически хитроумными устройствами, машина не сможет творчески мыслить. Как бы совершенна она ни была, машина останется машиной, созданием человека.

Ю. И. Островский объясняет устройство экстремального регулятора.

«Микеникс иллюстрейтед» заявляет право на Луну

Академик А. БЛАГОНРАВОВ

Человечество достигло в наше время такого развития науки и техники, что стало возможным выйти за пределы Земли — послать ракеты в космос.

Уже несколько лет в Советском Союзе и Соединенных Штатах Америки идет штурм таинственного неба посредством запуска тяжелых ракет. Готовы уже отправиться в полет искусственные спутники нашей планеты. Многие из них выполнят свою ценнейшую службу и сгорят в верхних слоях атмосферы, но некоторые из них, снабженные незначительными ускорителями и управляемые по радио с Земли, будут оставаться на заданной высоте и даже отдаляться, пока по воле ученых не превратятся в искусственные спутники Луны. Эти опыты дадут возможность в ближайшем будущем запустить уже такой специальный радиотелеуправляемый спутник, который позволил бы с Земли наблюдать окололунные пространства. Затем наступит время высадки на Луне управляемых по радио с Земли танкеток-лабораторий для детального исследования Луны.

В этих мероприятиях, в сущности, и заключается первая программа вторжения человечества в космос.

Решающей силой в осуществлении этой программы, поистине грандиозной, открывающей новую эру, является само человечество, его лучшие, квалифицированные умы в лице выдающихся ученых всего мира, действующих не разрозненно, не в напрасной, изнуряющей борьбе друг с другом, а все вместе, вдохновенно, настойчиво открывая заветные двери в космос.

Творчески развивая наследство гениального исследователя К. Э. Циолковского, советские ученые уже создали теоретическую и техническую базы для проникновения в космос. Ученые и инженеры Советского Союза всегда подчеркивали, что их работы отвечают мирным целям, что они готовы к содружеству с учеными и инженерами всех стран и работают над тем, чтобы всемерно приблизить тот момент, когда будет дан старт первому космическому кораблю в далекие, неведомые миры.

Казалось бы, ничто нельзя противопоставить этим исключительно мирным и общечеловеческим устремлениям. Но в Соединенных Штатах Америки есть люди, которые в любой культурной деятельности советских ученых готовы видеть «агрессивные замыслы Советского Союза». С этих явно враждебных позиций недавно выступил американский журнал «Микеникс иллюстрейтед», поместив статью некоего Пьера Дж. Хасса под заголовком «Давайте заявим право на Луну теперь же!». Автор статьи поясняет: «Мы можем побить красных, осуществив с помощью ракеты план заброски нашего флага на Луну». И предостерегает читателей: «Иначе русские побьют нас!».

Чтобы сильнее, очевидно, потрясти американских читателей, редакция снабдила эту провокационную статью рисунками художника. На одном из них звездно-полосатый флаг уже водружен на Луне. С легкой руки тех, кто всякое научное дело старается перевести на язык военных баз, Луна вдруг превратилась в американскую собственность, в 49-й штат США. А для большей выразительности дан поднимающийся на лунном небе огромный диск Земли и на нем очертания Северной Америки и чуть ли не видны даже Соединенные Штаты.

Статья Пьера Дж. Хасса начинается словами: «Русские, как они сами признают, готовятся заявить о своем праве на владение Луной. Судя по известным советским проектам заброски ракет в небеса, Луна к 1970 году станет суверенной территорией Советского Союза — «пригородом» Москвы».

По уши погрязший в этой досужей фантастике, автор спешит убедить читателей, что для США «настало время заявить о своих правах на Луну, если мы хотим обеспечить интересы будущих поколений свободного человечества. Иначе русские нас обойдут: они сначала захватят Луну, а потом предложат переговоры».

Можно было бы, пожалуй, и не читать дальше эту стряпню Пьера Дж. Хасса, если бы журнал, кроме своего города Гринвича да штата Коннектикут, нигде больше не распространялся. Но «Микеникс иллюстрейтед» издается огромным тиражом, переиздается в Лондоне, рассылается по странам Западной Европы, доставляется в Австралию. Поэтому статья Хасса о том, что русские якобы пытаются «захватить» Луну и что США «имеют свое законное право на нее», стала духовной пищей широких кругов читателей, особенно молодежи. Американская газета «Лейборс дейли» справедливо замечает, что это выступление в журнале означает лишь «первый шаг в осуществлении предложения президента Эйзенхауэра об установлении международного контроля над межпланетными пространствами и спутниками Земли».

Пьер Дж. Хасс торопится подвести юридическое основание под претензии США на «владение» Луной. «Несомненно, — пишет он, — наши эксперты по международному праву сумели бы обосновать законное право на Луну, исходя из принципов осуществления последовательного контакта с ней». Для подкрепления своих рассуждений автор прибегает к рассчитанному на сенсацию аргументу, заявляя о выдуманной им же опасности, что, мол, «советские вооруженные силы и военные базы появятся на Луне раньше, чем Соединенные Штаты окажутся в состоянии послать людей на ближайший наш спутник в небесах». Приписав русским стремление создавать «военные базы» на Луне — этом «пустынном, но стратегически важном спутнике»,— Хасс продолжает развивать свою мысль: «Водрузил же Колумб флаг Испании в песок берега Вест-Индии, — так точно и мы или русские будем действовать в рамках международного права, заявив право на владение Луной, сбросив на нее с помощью ракеты национальный флаг».

Вслед за этим Пьер Дж. Хасс излагает следующий план действий: «Ведущие американские специалисты в области ракетной техники утверждают, что если будет выделен один миллиард долларов на финансирование проекта полета на Луну, то в сравнительно короткий срок можно будет предпринять попытку послать на Луну управляемые по радио ракеты... В США есть специалисты-ракетчики, которые утверждают, что, приложив такое гигантское и концентрированное усилие, мы смогли бы водрузить звездно-полосатый флаг на Луне раньше, чем русские взлетят с Земли».

Должен заявить, что советские ученые с большим удивлением встречают подобные выступления. Как я уже отметил, наши устремления в астронавтике направлены прежде всего к возможно более полному раскрытию глубоких тайн природы. Конечной целью этих устремлений должно быть обеспечение всеобщего блага человечества, а не одной какой-либо державы, хотя бы и очень сильной. И, конечно, в разговоре о познании космоса и проникновении в него совсем неуместны подозрения об организации каких-то военных баз на Луне. Пусть Пьер Дж. Хасс попробует публично указать, где именно, в каких печатных или устных выступлениях кто-нибудь в Советском Союзе предлагал завоевать Луну, построить военные базы на ней и оттуда угрожать Соединенным Штатам! Любой здравомыслящий военный специалист в каком угодно государстве сочтет эти домыслы нелепыми. Тем более, что в Советском Союзе законом строго запрещена даже какая бы то ни было пропаганда войны.

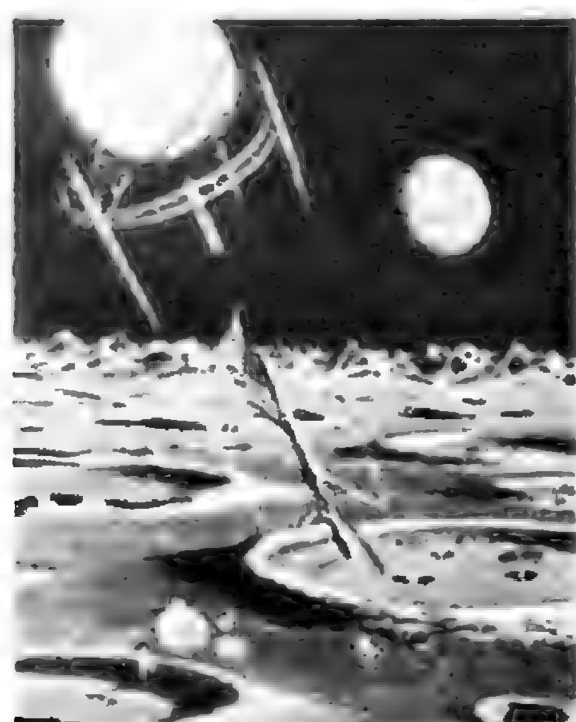
Для решения крупных проблем современная наука требует объединения огромных научных сил и колоссальных средств. Само собой разумеется, что в таких случаях, как это показывает Международный геофизический год, необходимо объединять усилия ученых многих стран. Мы были бы рады установить постоянный и прочный контакт с учеными США, работающими в астронавтике, а также с американскими межпланетными ракетными обществами.

Я хочу еще раз сослаться на неоднократные заявления американских ученых в печати о необходимости огромных затрат на эксперименты в целях познания тайн космоса. Почему же не попытаться объединить не только силы ученых, но, может быть, и средства разных стран, чтобы поскорее прийти к новым, чрезвычайно интересным и плодотворным завоеваниям науки?

Нет сомнений, что мы сообща можем найти почву для международного объединения усилий ученых, если только нам не будут мешать господа типа Пьера Дж. Хасса.

Советские ученые не видят никаких серьезных препятствий для такого объединения наших сил. Мы считаем, что основной целью является отнюдь не водружение какого-либо национального флага на Луне. Наша цель благородна: мы стоим за безграничное расширение познания природы всем человечеством.

Вот на эту тему я и хотел бы видеть достойную статью в американском журнале «Микеникс иллюстрейтед».

Lost stage of rocket fires stalled flag which is set firmly on moon's surface.

LET'S CLAIM THE MOON—NOW! COVER STORY

We can beat the Reds with this plan for shooting our flag to the Moon by rocket.

By Pierre J. Hass

THE RUSSIANS, by their own admission, are getting ready to claim possession of the Moon. By 1970, judging from known Soviet plans for shooting rockets into the skies, the Moon will become sovereign territory of the Soviet Union—a "suburb" of Moscow.

Obviously, then, now is the time for us to stake out our claim to the Moon if the interests of free mankind are to be safeguarded for future generations. Otherwise, the Russians will beat us to the punch by grabbing first and talking afterward.

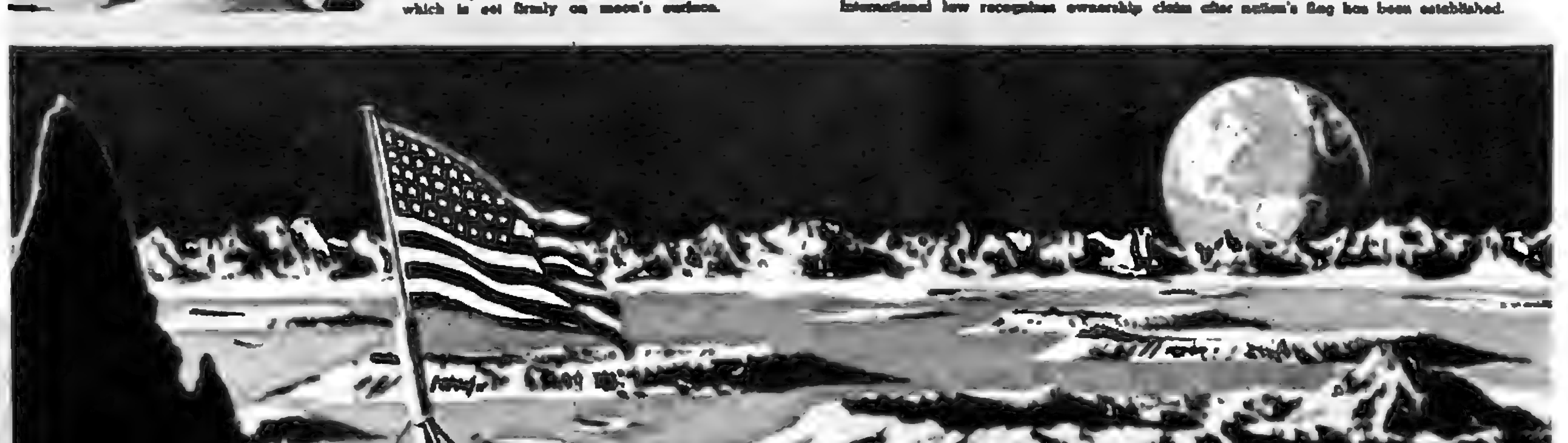
American ingenuity and enterprise and our scientific and technical know-how should be mobilized into a giant effort to overcome the obstacles and give the U. S. the honor and glory of staking out a claim to the Moon by planting the Stars and Stripes on lunar ranges and valleys via rockets!

The Moon is so great a prize in shaping principles concerning space and interplanetary rights that now is the time for the U. S. Government to act boldly. Congress should issue an immediate proclamation establishing jurisdiction over the Moon by right of first contact. The flag could follow as the clincher.

The first contact—and even the Russians haven't claimed this—was made with the Moon by the United States Army Signal Corps on January 10, 1946. Lieutenant Colonel John H. DeWitt made the historic contact by radar at Evans Signal Laboratory, Belmar, N. J. The powerful radio impulse shot at the Moon echoed back in two and one-half seconds, a round-trip of 477,000 miles. Here, then, is the first legal basis on which the United States Government can pin a technical claim of jurisdiction.

With the right of jurisdiction established, the U. S. Army Signal Corps, or any other interested governmental

International law recognizes ownership claim after nation's flag has been established.

КАЗАРКИ

Рассказ

Николай ГРИБАЧЕВ

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

Разлив сошел, луга оделись в зеленую шубу разнотравья. Синеют озера, плывут по низинам голубые облака незабудок, топленым коровьим маслом растекаются заросли куриной слепоты. Когда идешь, слышишь только легкий шорох теплого ветра и посвист птиц, а ляжешь в траву — и в уши ударит неумолчное, на тысячи разных голосов гудение и жужжание всякой летающей мелочи: стрекоз, кузнечиков, жуков, шмелей, пчел. Издали подает о себе знать шершень — бомбовоз в царстве насекомых: «Уу-уу-уу...». Пробираясь лугами из зареченского колхоза, я сажусь отдохнуть возле стежки, в тени разлапистого вяза, закуриваю, но не успеваю сделать и двух затяжек, как прямо на меня, раскрасневшийся и запыхавшийся, вываливается из кустиков невысокий мужчина в болотных сапогах, расстегнутой серой рубашке и кепке, перевернутой козырьком назад. В руках у него двустволка, которую он несет дулом книзу. Он плотен, упитан, наверное, застегивает ремень на последнюю дырку; голубые глаза его на красном потном лице пылают нетерпением и восторгом... Увидев меня, он останавливается, как бык, налетевший на изгородь, некоторое время перебирает ногами, будто гася скорость — каблуки, вдавливаясь в сырую луговину, причмокивают,— затем выпаливает только одно слово:

— Казарки!

— Ну и что? — недоумеваю я.

Он сокрушенно вздыхает, вытаскивает из помятой пачки папиросу, поясняет:

— Большо-ое стадо!.. С утра крутятся, то вниз протянут, аж с глаз пропадут, то обратно... С горки наблюдал.

— Но охота запрещена.

— То-то и оно,— сожалеет он.

— А вы с пушкой...

— Беда! — смущается он и, по обычаю многих русских людей, попадающих в затруднительное положение, чешет в затылке.— Разве я с корыстью? Вчера почистил ружьишко; дай, думаю, попробую, не рассеивает ли... а тут гуски эти. Подкинул нечистый! И чего летают стадом? На гнездах сидеть полагается.

— Кто знает, может, потревожили!

— Оно и то... Есть дураки насиженные яйца собирать. Душегубство!

— Да и у вас ружье,— напоминаю я.

— И верно... тьфу, да и только! А вы, случаем, не инспектор?

— Нет.

— Ну, слава тебе... А то забабахали бы мне, орясине, штраф, крутись, как жук на палочке. Где я деньги на это доставать буду? У Николы Мирликийского? Баба на папиросы отсыпает помалу, на поллитровку в праздник,— и стоп, закрыт банк... Главное же, скажи на милость, и не собирался даже... ни-ни, в голове такого не было, а как увидел гусок этих, так и нашло затмение. Больной, должно быть, человек я по этому делу: как птицу летящую увижу, так пальцы судорогами и сведет... Разве ж я не понимаю? Лето наступает, всякая живность в ликовании, детишек выхаживает — длинноносые они там, короткохвостые или еще какие, а все матери дороги... Нет, я все понимаю! Но, опять-таки... Прошлым летом, к примеру, иду по краю лога, рожь мне на руки от ветерка кидается, и вдруг перепелка вылетает, а у меня на беду ружье, неизвестно для чего и взял... Подумать ничего не успел — бац, бац... Зачем? Мяса тощего комочек да перьев щепоть, и те в крови... Пошарил руками, гнездо у межника нашел: птенчики в пушке, желтые рты ко мне тянут — корми, а у меня только слезы на них: кап, кап... Плачу!

Голубые глаза его начинают часто помаргивать, по лицу и впрямь разливается горестное сожаление. Он кладет ружье на траву, присаживается, обхватив колени руками, вздыхает:

— Канитель.

— Что с птенцами-то? — спрашиваю.

— Полдня шастал, другое гнездо искал. Подложил все-таки, в картузе вот этом и перенес... Хлопотно ей, другой-то матери, было, облепили свои и чужие, но выкормила, проверял потом... Не хожу теперь с ружьем в поле, зарок дал! Лучше уж по рыбу, хоть бессловесная.

— А вы и рыбак еще?

Он удивленно таращит на меня глаза, словно поражаясь, что ему могут задавать такие вопросы:

— Это Глотов не рыбак? Ну уж... Я ее, эту рыбу, когда хочешь, возьму, хоть она клюй, хоть не клюй... разве что новолуние отшибет. В другое же время что ни есть, а обману хоть на ту же пиявку.

— Читал и я, что ловят, но мерзость!

— Почему же? В медицине применяется, а там куда чище... Да я ее, пиявку, в лопушок оборачиваю, крючок, не касаясь, всаживаю — чик, из лопушка в омут — ширк... Только и дела!

Увлеченно, посасывая папироску за папироской, он рассказывает о повадках лещей, язей, голавлей, подустов, но в то же время украдкой косит глазами в сторону гусей-казарок, которые поднялись выше, но с продольного полета над поймой перешли на круговой и постепенно приближаются к нам. Он косит на гусей, я — на его руки: они без ссадин, не обветрены, на них нет землистых трещин, значит, не в поле работает. Кладовщик в колхозе? Сторож в больнице? Кто его знает, немало теперь на селе разных людей.

— На Донец хочу махнуть,— выпаливает вдруг Глотов.— До осени огляжусь, примерюсь, и вперед, орлы боевые!..

— С чего бы?

— Разве ничего не слыхали?

— Не слыхал.

— Лещей там на базаре продают, из одного две сковородки, без водки впятером не съешь, а цена — трешка...

— Пожалуй, привирают.

— И привирают, не без этого... А хоть бы и так, дыма-то без огня не бывает... Значит, много! А лещ, если его правильно сделать,— это штука... Ученые еще говорят, что от свежей рыбы люди умнеют. Если по моей жене судить — правда выходит...

В это время стая казарок по широкому кругу проходит почти над нами, и не успеваю я что-либо сказать или сделать, как Глотов хватает с травы ружье. Глаза его при этом становятся вороватыми и бессмысленными, он ужом проскальзывает под ветки вяза и выпаливает из обоих стволов. Гуси, тревожно гоготнув, но даже не покачнувшись и не сбившись с полета, уходят дальше. Глотов возвращается и закуривает. Теперь глаза его под выгоревшими бровями становятся совсем спокойными и чем-то напоминают по безмятежности две куртины незабудок.

— Думаете, я убить хотел? — усмехается он.— Их зениткой не достанешь, и несутся, как реактивщики. Что, у меня глазомера нет? Но душу отвел...

Посидев еще несколько минут и выкурив очередную папиросу, порасспросив меня, правда ли, что атомные взрывы влияют на погоду, и верно ли, что скоро все рабочие будут заниматься гимнастикой, он собирается уходить:

— Пора, что ли... Жена с дочкой на обед явятся!

— А без вас не обойдутся?

— Куда им!.. Это без меня-то? Куда уж!..

— Почему?

— Так... Некоторые смеются, но, полагаю, по неразумию.

— А все же?

— Жена моя и дочь Настя — в колхозе передовые. Вместе на ферме работают, меж собой соревнуются... Ну, Настя опережает, она десятилетку кончила. Хотите, могу в газете портрет показать и статью ее, сама писала... Вот, посмотрите!

Он достает из кармана почти свежую районную газету. Пока я пробегаю заметку и рассматриваю лицо девушки, немного испуганно улыбающееся на фотографии, он выведывает:

— Размахнулись эту заокеанскую Америку по продуктам перекрыть... Как думаете, сможем?

— А вы как думаете?

Он мгновение размышляет, поглядывая на меня, что-то прикидывает и отвечает уклончиво:

— На все фермы таких, как жена да Настя, не наберешься... Тут еще воспитывать и воспитывать! И таких, как я,— раз, два, и счет вышел...

— Да вы при чем?

— Как при чем? Я сказал уже...

— Ничего вы не сказали.

— Ну, дома я за хозяина... Они на работе или, там, учатся по вечерам, я же готовлю и стол обставляю...— Заметив крайнее мое удивление, Глотов обижается: — Опять двадцать пять, кому ни скажи — глаза пялят, будто летающий трактор увидели... А что такого? Кто к чему более способен...

Я прошу его не обижаться, рассказать по порядку. Мы идем, потом присаживаемся у парома, который еще не наведен, и ожидаем, пока ребятишки пригонят сверху лодку. Случится это не вдруг: лодка полна мальчишек и девчонок, над бортом торчат концы удилищ и букеты луговых цветов, стоит щебет, словно все ласточки-береговушки слетелись в одно место. При высадке мальчишек наверняка не обойдется без возни и потасовки, потом, чего доброго, они вздумают «искупнуться»... Между тем Глотов повествует, как был призван в армию, как попал на передовую, но вскоре стал ротным поваром, а потом, поучившись, и поваром при штабе полка...

— Главное, оказалось, что боязлив я... Из винтовок стреляют — это мне хоть бы что, вроде орехи щелкают, потому что на охоте к ружью привык, а как бомбу кинет или из пушки чемодан пустит, сижу и трясусь, зуб на зуб не попадает, будто меня на крещенский мороз в одной рубахе выпихнули. Ротный смеется: «Почем дрожжи продаешь?» «Должно быть,— отвечаю, ляская зубами,— у меня внутренности слабыми гайками привинчены, содрогаются...» Смеется: «Ничего, тут подвинтят!» Ну, однако, не получилось, посмеялись надо мной и к ротному котлу прикомандировали, в помощники к повару, на должность куда пошлют. А тот во мне талант усмотрел!.. Сам он до войны в городском ресторане работал. Подначивал он меня, потешался: «Как борщ готовить будем?» Ну, не видел я, что ли, как жена с этим управлялась? «Воды нальем, капусты ввалим, сала впустим...» А он за живот хватается,— правду сказать, и ухватиться было за что! — ржет: «За такой борщ нас в штрафную роту до конца войны загонят!» Однако талант во мне различил и науку преподал; потом сам командир полка меня хвалил и даже ружье это трофейное подарил. «На,— говорит,— Глотов, заслужил, мне твоя пища при тяжелых боях настроение поднимала и даже храбрости придавала». Тоже привирал, конечно, хоть и полковник, но для поощрения, а не в обиду... Ну, демобилизовался я, значит, прибываю восвояси, жена на радостях пир готовит: в чугун воду, капусту да кусок мяса — борщ называется, на сковородку яйца стук-стук — яичница. А морковка там, помидорчик, хренок, укропчик, лучок — это за так себе считается, на ходу пожевать... Э, говорю, не пойдет так дело, дайте-ка я сам! Жену усадил за стол, соседей пригласил, и прикладу у меня для того кот наплакал, лаврового листика да перчика и в помине нет, а как взялись они, думал, ложки проглотят... С тех пор и стою в хозяйстве по своей профессии. Жене моей ума по селу не занимать, рассудила: на другой работе я не выдающийся, у печки да по хозяйству все равно кому ни кому вертеться надо, так хоть харчи будут настоящие...

СВЕЖИЙ СТИХ

Николай **АСЕЕВ**

Москва бензином фыркает,
машинами полна,
Петровками, Бутырками
спешит, гремит она.

Москва полна заводами,
вздымающими дым,
и майскими погодами
трудиться надо им.

Жаровней раскаленною
асфальт на мостовых...
Вставай, стена зеленая,
по улицам Москвы!

Не только ширью Горького
насадим город-сад,—
пусть все дворы и дворики
листвой зашелестят.

Вставай, взмахни нам веером,
Садовое кольцо,
чтоб свежесть летним вечером
дохнула нам в лицо,

чтоб все дома с балконами
вздымали зелень ввысь,
чтоб все — многооконные —
цветами оплелись.

От нас это зависимо,
чтоб всюду — грядок ряд,
чтоб нос куда ни высунешь —
сирени аромат.

Пусть в жар не опаленная
свежеет мысль в мозгу:
оденем в сень зеленую
красавицу Москву!

ЗОЛОТОЙ ДЕНЕК

Семен **ГОРДЕЕВ**

Налетела тучка молодая.
Ветер целовал ее в глаза.
Медными подковками сверкая,
Пробежала быстрая гроза.

Дождь прошел. Еще дымился щебень,
Высыхая посреди двора.
Стрелы кранов проплывали в небе,
Скрещивались, как прожектора.

Каменщики в новых рукавицах
Выводили венчики колонн.
На обветренных, на смуглых лицах
Золотой денек был отражен.

Стриженые мальчики глядели,
Как носились резвые стрижи,
Как они к строителям летели
В небо, на седьмые этажи.

И каштан, на что уж осторожный,
Очень осмотрительный, не мог
Воздержаться и, насколько можно,
Всю иллюминацию зажег.

Киев.

— Однако работа вроде не мужская...

— А что теперь мужская работа? — не соглашается Глотов.— Раньше мужик пахал, боронил, сеял из лукошка, яровое косой с гребенкой подкашивал, молотил — тут сила и ухватка должна быть... Теперь же все на тракторе, иной помоложе и за плуг не умеет взяться. Что мужчина, что женщина — все одинаково, вперемежку и в поле работают... Ну, правда, покос, тут и я выхожу... Так и что ж? Отстраняют, к котлу ставят, поскольку тут я силен...

Глотов поднимается, пытаясь сделать серьезное и сердитое лицо, что ему не удается, потрясая воинственно двустволкой, кричит:

— Э-э, лодку!

Обернувшись ко мне, поясняет виновато:

— Этих пострелят дозовешься!.. Растут бесстрашно, ни тычка, ни кнута не видят.

Снова присев, возвращается к прежнему разговору:

— А спрашиваете, при чем я... Жена моя и дочка моими трудами такие разносолы едят, что не всякому полковнику подают — можно им выдающихся достижений добиваться! Я же и огороду ход дал, приклады да приправы разные завел...

Похваставшись огородом, Глотов на некоторое время умолкает, и в глазах его появляется то грустное и слегка виноватое выражение, которое безошибочно свидетельствует, что душа у человека не на месте. Все-таки, думаю я, вероятно, посмеиваются над ним в селе, и как бы ни был покладист характер, а колет это и саднит, от людей отделяет и ночью с боку на бок переворачивает. Испокон веков стояла и стоит у печи женщина... Но, швырнув окурок и досадливо сплюнув, выпаливает он нечто такое, чего я никак не ожидал:

— Председатель у нас не ухватистый, вот беда... Порядку нет!

— Это в чем же?

— Да в этом... Плохо едят у нас, и жирно порой, да невкусно и даже во вред... Оттого, может, и стареют многие до времени и в больницу попадают, да и продукту своего места нет... С год назад на колхозном огороде помидоры уродили — туча красная! — а вывезти на базар не успели, так и погнили в кучах. Долго ли было перетереть да в бочку уложить? А томатную пасту из Болгарии возим, сам был в городе, видал... Да и готовить с помидорами не умеют, только и ряду, что с хлебом да с солью съесть. Осенью по бездорожью яблок в садах тоже много пропадает, а повидло или джем какой купят — за лакомство считается... И так во многом.

— Это верно,— соглашаюсь я, вспоминая сельские обеды.

— Чего уж вернее... А председателю скажи, отмахивается, как от мошкары: у меня, мол, план, серьезное дело, а ты с выкрутасами и заворотами.

— В газету написали бы,— советую я.

— Писал... Дочкины статейки печатают, а к моим без внимания.

— Н-да...

— То-то и оно-то... Я же так думаю: что стоит колхозную столовую построить? Хат сколько ставят, под шифером тоже, а она не больше того... Стал бы я за повара, кормил бы на месте и на дом отпускал — судки вон в раймаге копейки стоят, а ребятенку с ними через дорогу перебежать и вовсе ништо... Ну, слава тебе, гонят лодку пострелята, дома дивятся, небось, куда это я запропастился. Оно-то ничего, жена умная, посмеется только, да перестоявшееся и кислое сам не могу есть, отвык...

Ребятишки, наконец, высыпались из лодки, «искупнулись», устроили потасовку и перецапались из-за того, кому гнать лодку; теперь она, рассекая засыпанную живым серебром речную дорожку, скользит вниз, к припаромку, у которого мы сидим. Казарки все еще летают, но уже маленькими кругами и низко: видать, собираются на посадку. Легкое синее небо линуют ласточки-береговушки, в лугах топленым коровьим маслом растекаются заросли куриной слепоты, и до самого горизонта плывут по низинам голубые облака незабудок...

Июнь. 1957 год. Село Лопушь.

В КАЛЬКУТТЕ

М. АБДУЛЛАЕВ,
заслуженный деятель искусств Азербайджанской ССР

Мукти Бянарджи. ПРИХОРАШИВАЮЩИЕСЯ ДЕВУШКИ.

Три месяца мы пробыли в Индии. Из них месяц я провел в Калькутте. Могу вас уверить, что это один из самых шумных городов на свете. Рекламы, бешено мчащиеся автомобили, здание биржи... Здесь же можно увидеть и заклинателей змей, и старинную бенгальскую свадьбу, и даже бизнесменов из США, гадающих у индусов о своем будущем.

У жизнерадостного народа Индии одних лишь официальных праздников в году около сорока. У нас в Азербайджане старики сказали бы: «У этого народа, наверно, тесто с весельем смешано».

И куда бы мы ни приходили, везде встречали дружеский прием и приветливые улыбки.

Художественный колледж... Дружба со студенчеством... А девушки так похожи на наших бакинских! Позировать соглашались охотно. Научился у них петь бенгальские песенки. Все еще помню:

Ааайри — айр. Логони буи джай.
Мейк Гури — гури кори, Чадыр шиманай...

В Индийском музее в Калькутте много интересного.

Прекрасные миниатюры, древнеиндийские, средневековые и позднейших веков, вплоть до девятнадцатого. Особо выделяется искусство эпохи Империи Великих Моголов. Среди первоклассных персидских миниатюр несколько чудесных работ Реза Аббаси, множество образцов Гератской и Тебризской школ.

В музее «Виктория мемориал» висит самое большое полотно В. Верещагина «Процессия английских и местных властей в Джайпуре».

Много художников в Калькутте, много различных творческих почерков.

Вот молодая художница Амина показывает свои работы. Один за другим она расставляет холсты. Когда хотели помочь ей поставить лежащий холст, она предупредила: «Нет, нет, я сама... а то вы еще не так поставите, не найдете верх и низ композиции».

И действительно, она была права: таково свойство абстрактного искусства.

Высокий, седой, в очках, весь в белом, подошел Джамини Рой, гордость индийского искусства. Амина тут же упала к его ногам и прослезилась. Он, поднимая ее, произнес что-то успокоительное.

От картин в доме Джамини Роя празднично, ярко и светло. Старый художник целыми днями работает и почти никуда не выходит.

Парк-стрит. Художественный салон. Отчитываются две художницы. Молодые девушки Намита Дутта и Камала. Две подружки, а работают в разных направлениях. Камала недавно вернулась из Европы, где завершала учение. И пока еще она верит больше Матиссу и Марке, чем своему вйдению. А Намита придерживается национальных традиций. Конечно, обе молодые художницы талантливы. Но пусть Камала не обижается, работы Намиты нам понравились больше.

...Дремучий лес Башай близ Калькутты. Вот проходят охотники с луками и стрелами. На мгновение забываешь, что сейчас 1957 год.

После зарисовок мы отправились в деревню

М. Абдуллаев. ПОРТРЕТ МУКТИ БЯНАРДЖИ.

Мукти Бянарджи. ТАНЕЦ БЕНГАЛЬСКИХ ДЕВУШЕК.

Я попросил его написать о себе несколько слов. Он это выполнил на родном бенгальском языке.

«Я родился в Бенгалии в 1927 году,— пишет Мукти.— У нас небольшая семья: отец, мать, моя жена и маленький сын...

Очень хочется,— продолжает он,— познакомиться с жизнью советских художников, с их работами, хочется посмотреть вашу страну и завязать дружеские связи с представителями искусства наших великих народов. Познакомившись с вами, друг мой, мне представляется возможным осуществление этой надежды... Пусть навсегда останется крепкой и нерушимой наша дружба. Пусть останется в памяти первый день нашей встречи...»

Мукти Бянарджи. СОБИРАТЕЛИ КОЛОСКОВ.

Мукти Бянарджи. ЗА ВОДОЙ.

Конногор. Поздно. Но студент Окиленду Рой Чоудри всех притащил к себе. В этом доме хорошо знают Советский Союз. Здесь много наших журналов и книг. На стене изображения Христа, Ганди и портрет Ленина. Сестры Окиленду, играя на гармонике, пели «Шанти» — песню Мира. И я стал понемногу подпевать. Надо было видеть, как все обрадовались!..

Теперь расскажу о дорогом Мукти, замечательном художнике. Вот как мы встретились. Зашел я в магазин сувениров и сразу облюбовал чудесные работы, написанные темперой на шелку. Сюжеты совсем нехитрые. А сколько в них жизни и радости! Какая выразительность, культура чувства, пластики, прекрасный колорит! И главное, большой вкус. Я приобрел несколько работ и поинтересовался автором. Продавец пошел и вызвал его. Скромный молодой человек застенчиво представился: Мукти Бянарджи.

Я пригласил его к себе в отель, чтобы показать мои работы. За чаем мы смогли узнать друг о друге уже немало. Я пустил в ход весь свой крохотный запас слов английского языка. Даже кое-что на урду. Когда и эти запасы истощились, пришлось объясняться на профессиональном языке, то есть карандашом на бумаге. Мы рисовали друг другу все то, что не могли сказать. И сами долго смеялись.

Скоро мы стали настоящими друзьями. Все находили, что мы даже внешне очень похожи. Только мне надо бы добавить волос на голове, а ему сбрить усы...

Нам совсем нетрудно было говорить об искусстве, и мы быстро узнали вкусы друг друга. Мукти терпеть не может абстрактного искусства. Это можно понять, глядя на его работы. Он учился у известного старейшего бенгальского мастера Нандалал Босе, одного из крупнейших индийских художников. Мукти подарил мне свою самую большую композицию, «Танец бенгальских девушек».

Мукти Бянарджи. УРОЖАЙ.

Одиннадцать стран на одной сцене

— Можете считать, что Московский фестиваль открыт. По крайней мере, наш, эстрадный, — сказал Фэнике Лука, заслуженный артист Румынской Народной Республики, лауреат Государственной премии, выступающий в составе румынского инструментального ансамбля.

Таким предисловием началось для нас новое эстрадное представление «Дружба». Выступают артисты Китая, Кореи, Венгрии, Румынии, Болгарии, Польши, Монголии...

Одиннадцать стран на одной сцене! За кулисами московского театра «Эрмитаж» (сейчас представления идут в Ленинграде) особо ощутительно то, почему программа называется «Дружба». Мы присутствуем при том, как чех приглашает кореянку в театр, румын обещает обучить венгра игре на своем народном инструменте. Рядом трое делают стойку на стульях, и немец-акробат говорит, что первое место принадлежит девушке, ассистентке китайского фокусника, второе — переводчику и последнее — ему, акробату. И все это — дружба! О ней много говорили наши гости, и мы предоставляем им слово.

←

Корейская танцовщица Ан Сон Хи:

— Я очень рада, что снова в Москве. Это город моих студенческих лет, моих первых успехов. В Москве встретилась я с Син Чан Чю, моим мужем, который окончил ГИТИС и сейчас преподает в театральном институте Пхеньяна. Со мной приехал младший братишка. Осенью он начнет учиться в музыкальной школе, а пока будет отдыхать в пионерском лагере.

→

Многим, вероятно, знаком польский артист Людвиг Симполинский. Он играл в кинокартинах «Мое сокровище», «Ирена, домой», «Варшавская премьера». В эстрадном представлении Людвиг Симполинский исполняет пародии.

— Я впервые встретился с москвичами, и очень приятно видеть их улыбки. Но после нескольких концертов я подумал: пою я на польском языке, который понимают немногие,— и решил петь на русском.

Китайский иллюзионист Ян Сяо-тин извлекает из-под покрывала, которое только что демонстрировал зрителям, вазы с водой, блюда и тарелки с фруктами и орехами — всего восемнадцать.

— Иллюзионисту полагается быть спокойным, — сказал он, — а я всегда волнуюсь, когда встречаюсь с советскими зрителями. И как не волноваться! В Саратове во время гастролей китайского цирка женщина пришла за кулисы, чтобы обнять нас, как мать; в Рузе школьники подарили нам целую библиотеку, а в Магнитогорске одна рабочая семья ухаживала за заболевшим артистом, как за своим сыном.

↓

Исполнительница венгерских жанровых песен Хеди Жолнаи:

— Среди прочих поручений меня беспокоило одно: наш драматический театр просил привезти хорошую пьесу, которая идет в Москве. Я уже побывала в некоторых театрах и думаю, что с помощью моих новых друзей исполню эту просьбу.

Оказывается, находясь на велосипеде, можно не только ехать, но и ходить по колесу, пролезать под раму, разобрать и собрать машину и проделать еще с десяток разных трюков. Все это отлично исполняет немецкий артист Пауль Доон, комический велосипедист.

— 35 лет дружу с велосипедом,— сообщил он.— Однажды я приехал ночью на гастроли в маленький немецкий городок и остановился в отеле. Только уснул, подняли меня с постели.

— Почему вы пишете в карточке «велосипедист», тогда как всем известно, что вы артист? — спросил полицейский.

— Вы же знаете, как трудно быть велосипедистом,— ответил я.— А артистом может стать всякий.

Е. ВЕЛТИСТОВ

Фото Е. УМНОВА.

↓

Роберт Мулку (Сирия). «На каменистой земле».

Это фото «Взгляд детей» прислал Лоран **Н'Гуессан-Зуку** из города Страсбург (Франция). В письме, приложенном к фото, автор пишет: «Я с удовольствием узнал, что вы организуете Международный фотоконкурс. С энтузиазмом готов принять в нем участие. Будучи большим любителем фотографии, я очень хочу испытать свои силы в этом большом международном соревновании. На фото, которое я вам посылаю, сняты мои племянник и племянница».

К своему снимку Н'Гуессан-Зуку приложил такие стихи:

Взоры детей, такие красивые, чистые,
Полные надежды и мягкости,
Вы еще не знаете, что такое страдания,
Вы выражаете ожидание всего народа, всей нации.

(Перевод с французского.)

Свет человеческой дружбы

Василий ЗАХАРЧЕНКО

Фотография... Удивительное переплетение как будто несовместимых начал: света, химии, времени и искусства.

Где-то в тумане лет затеряны первые опыты Дагера, во время которых человек с набеленным лицом часами просиживал перед фотобумагой в надежде увидеть неясные черты своего отражения. Это были первые муки рождения фотографии.

И вот уже весь мир уместился за голубоватым зрачком объектива: фотография стала искусством. Мир, как бы выхваченный в стремительном своем движении: выдержка одна тысячная... Мир, в котором запечатлены прошлое и настоящее... Мир, полный неповторимых красок: фотография стала цветной.

Мне приходилось сталкиваться с наивными, но порой ожесточенными спорщиками, утверждавшими, что фотография убила живопись. Это так же неверно, как если бы утверждать: научившись писать, прекрати разговаривать! Документальность фотографии и живой голос искусства, обобщающего жизнь,— это братья, а не соперники.

В наши дни фотография стала могучим средством общения между людьми, силой, способствующей взаимопониманию между народами. Поэтому-то на всемирных фестивалях молодежи особое место отводится международной выставке художественной фотографии.

В Москву из разных стран прибывали снимки на фотовыставку VI фестиваля. Мы распечатываем конверты, поступающие по адресу: Москва, 400. На них штампы Италии и Чехословакии, Индии и Финляндии, Китая и Германской Демократической Республики, Голландии и Мадагаскара... Сотни снимков. Сотни портретов, пейзажей. Они непохожи друг на друга, как непохожи народы стран, откуда прибыли работы.

Но одно объединяет между собою эти листы бумаги: фотографии, как посланцы мира, несут с собою идеи дружбы и взаимного уважения.

Пройдут немногие дни, и в широко известных москвичам выставочных залах на Кузнецком мосту впервые в истории нашей страны развернется Всемирная выставка художественной фотографии.

Здесь фотографы—профессионалы и любители—отдадут свое творчество не только на суд участников фестиваля, но и на суд международного жюри, в состав которого вошли крупнейшие деятели фотографии, такие, как Ад Виндиг (Голландия), Ян Судерланд (Польша), Иожеф Прошек (Чехословакия), Ганс Видман (ГДР) и другие.

Специальные премии фестиваля — золотые, серебряные и бронзовые медали, почетные дипломы — будут присуждены авторам лучших снимков.

Фотоискусство, рожденное некогда солнечным светом, несет с собой свет человеческой дружбы. Будем же приветствовать живительные лучи этого света.

Он нужен людям.

Джиованни Массара (Италия). «Нищета и благородство».

Хэмант Н. Муншоу (Индия). «В свете солнца».

Властимил Ипсер (Чехословакия). «Зимний праздник молодежи».

Юкко Хейкилла (Финляндия). «Портрет».

«Каменное гнездо» Х. Вуолийоки в Государственном русском драматическом театре БССР имени М. Горького.

Фото А. Горнштейна.

Каменное гнездо

На сцене Государственного русского театра Белорусской ССР имени Горького, гастролировавшего недавно в Москве, показана пьеса «Каменное гнездо». Автор — Х. Вуолийоки, талантливая финская писательница.

Современные люди действуют в этой пьесе. Обычны их профессии — агроном, учительница, доктор, аптекарь,— и не в сложном романтическом конфликте, а в простых, житейских делах сталкиваются они в этой драме. Но за будничной жизнью, за неторопливым течением быта, за вовсе не героическими судьбами людей угадываются цельные, мужественные характеры, духовная сила, драматический накал страстей, делающие пьесу Вуолийоки близкой лучшим произведениям Ибсена и некоторым образам, созданным великим певцом душевной красоты человека — Горьким.

Скромный образ молодой учительницы Илоны, приехавшей в далекое финское селение, чтобы учить детей, и вступающей в борьбу с миром каменных гнезд и каменных сердец за свое человеческое достоинство — образ этот, любовно выписанный в пьесе, может быть поставлен рядом с ибсеновскими Норой, Брандом, Левборгом, Штокманом и другими горячими бунтарями холодных северных берегов. И не случайно вспоминаем мы и другую судьбу — хозяйки русских капиталов Вассы Железновой, крупного и яркого человека, не нашедшего в жизни настоящего живого дела, когда знакомимся с великолепно выписанным в пьесе Вуолийоки характером старой хозяйки Нискавуори. И она будто прикована к каменной скале, на которой стоит богатый ее дом, и так же, как у горьковской Вассы, пожираема ее душа страстью к приобретательству и растущей горечью сознания бесплодно прожитой жизни...

Так перекликаются характеры, судьбы и мысли людей разных народов и разных веков, если речь идет о борьбе духовно богатых и духовно нищих и если пишут об этом художники, кровно заинтересованные в победе добра и света.

Попав в дом хозяйки Нискавуори, которая держит в своих руках весь уезд, Илона влюбляется в ее сына, агронома Аарне. Не проста и не легка эта любовь: на пути ее и гнев матери Аарне, и ревность его жены Марты, и общественное мнение. Но молодость и вера Илоны в лучшие стороны человеческой души, ненависть ее к мещанству и пошлости побеждают: Аарне уходит с Илоной в новый, неведомый мир чистых, благородных людей, живого, горячего дела.

Победа Илоны венчает в этой пьесе не только сюжетную линию взаимоотношений ее с возлюбленным. Уход Аарне из Нискавуори — это торжество молодежи, с ее новыми, широкими взглядами на жизнь, над миром сытых и равнодушных, не видящих дальше своей усадьбы. Многое изменилось и в Нискавуори с победой Илоны. Выявилась духовная пустота ее противников, пробудился к новой жизни молодой Аарне. И хотя ничего не может и не хочет изменить старая хозяйка Нискавуори, и для нее встреча с Илоной не прошла бесследно. Таков идейный итог этой драмы.

Много интересного и ценного выявилось в этом спектакле и у актеров и у режиссуры (В. Федоров). И прежде всего раскрытие личной, семейной драмы как части большой, общественно важной социальной борьбы.

Удивительно четкий получился, так сказать, зрительный образ спектакля, где мрачные камни Нискавуори как бы контрастируют со светлыми, яркими одеждами Илоны, с общим оптимистическим колоритом жилища молодой учительницы. Исполнительница роли Илоны И. Локштанова сумела сочетать в этом образе мягкую женственность с железной выдержкой, мужественной волей к борьбе. А. Обухович в роли хозяйки Нискавуори удалось раскрыть в этом каменном сердце живые, чуть пробивающиеся побеги человечности. Носительницей молодости — поры самых горячих надежд — предстает в этом спектакле дочь старой хозяйки Анна-Лиза (Г. Роксанова). Очень выразительны сатирически заостренные портреты сплетницы Сандры (Т. Трушина), школьной сторожихи Серафины (Т. Кудрявцева), старшего учителя Вайнио (В. Шрамченко).

Обычным стало представление о жителях Финляндии как о людях чуть холодноватого темперамента, отличающихся молчаливостью, сдержанностью. Пьеса Вуолийоки развенчала это традиционное представление: нет, здесь живут люди больших и сильных страстей, кипучих темпераментов, острого и мудрого юмора, мягкой и нежной души. И за это благодарны мы и финскому драматургу и особенно белорусскому театру, открывшему советскому зрителю эту содержательную, художественно сильную пьесу.

Аарне Нискавуори — Ю. Сидоров, Илона Алгрен — заслуженная артистка БССР И. Локштанова.

Вл. ПИМЕНОВ

«Дядя Ваня» А. П. Чехова. Постановка И. Новика в Русском драматическом театре Варшавы. Сцена из 1-го акта.

РУССКИЙ ТЕАТР В ВАРШАВЕ

Л. ПАНТА

В столице Польской Народной Республики работает ныне постоянный Русский драматический театр. Этот театр недавно выступил со своей второй премьерой. Зрителям была показана пьеса А. Н. Островского «Бедность не порок».

Театр этот вырос на базе русских коллективов художественной самодеятельности. Созданный Русским культурно-просветительным обществом в Польше, он призван обслуживать интересы самых широких кругов польских зрителей — поклонников русского искусства и литературы.

В репертуаре театра пока два спектакля: «Дядя Ваня» А. П. Чехова и «Бедность не порок» А. Островского. Готовятся новые премьеры.

Театр не ограничивается выступлениями в самой Варшаве и выезжает на периферию. С большим успехом прошли, в частности, его выступления в Белостоке и других городах.

Спектакли Русского театра тепло встречены польской критикой, которая видит в этом еще одно проявление взаимного сотрудничества братских культур русского и польского народов.

НАШИ ПАПЫ ИГРАЮТ В ФУТБОЛ. Лена Крижевская, Костя Крижевский, Лена Парамонова, Марина Рыжкина, Светлана Кузнецова, Алла Кузнецова, Нина Сальникова, Шура Сальникова и Наташа Ильина.

Фото А. Бочинина.

На поле — итальянцы

Недавно в Москве гостили итальянские футболисты. Популярная профессиональная команда «Фиорентина» сыграла два матча.

Гости показали футбол высокого класса. Их непринужденная манера игры, артистическая легкость работы с мячом очень импонировали зрителям.

— Красиво играют! — то и дело слышалось на трибунах, когда итальянские футболисты, овладев мячом, начинали «вышивать» на поле сложные узоры остроумных комбинаций, искусно просачиваясь сквозь линии обороны противника. Действительно, играли красиво!

Однако им туго пришлось в первой половине матча против динамовцев. Москвичи имели территориальное преимущество и создали несколько таких моментов, когда казалось, что мяч будет забит неминуемо. Но взять ворота им удалось лишь один раз, а за минуту до перерыва счет стал 1 : 1.

Во второй половине матча картина резко изменилась. Вольно или невольно, динамовцы сменили оружие. Игре на скоростях (в чем, собственно, и заключалось их главное преимущество) они предпочли стиль своего противника — многоходовые комбинации в среднем темпе.

Но это, как говорится, был не к шубе рукав. Возмездие наступило быстро. Уступая в технике гостям, динамовцы упустили инициативу, и команда уже до конца матча не могла войти в свою колею.

Поучительный урок. Нельзя отказываться от своего испытанного оружия, не овладев в совершенстве другим.

Итальянцы хозяйничали на поле. Лишь самоотверженная игра в защите позволила москвичам удержать ничейный счет. В какой-то мере этому помогла тенденция итальянцев к утонченному розыгрышу на штрафной площадке. Так, их правый полусредний Мигель Монтуори, кстати сказать, игрок сборной команды Аргентины, недавно купленный клубом «Фиорентина», этот блестящий дриблер трижды имел возможность ударить с самого близкого расстояния по воротам и трижды предпочел сыграть на обострение, то есть финтом обмануть защитников. Эффектно, но нерентабельно! Красиво, но бесплодно!

Вторая игра итальянцев — со «Спартаком» — прошла не менее интересно. Это был по-настоящему первоклассный футбол. У спартаковцев хватило технического мастерства, чтобы осуществить свойственный им план игры даже против такого опасного противника.

Стиль игры «Спартака» очень походит на стиль «Фиорентины». Однако следует признать, что техническое мастерство итальянцев несколько совершеннее.

«Спартак» выиграл матч с убедительным счетом — 4 : 1 и показал все свои лучшие качества.

Дело, конечно, не в дожде, который, мол, лишил итальянцев возможности использовать свое техническое превосходство. Они у себя на родине часто играют на мокром поле. Техника всегда остается техникой. Решающее значение в этой встрече сыграл атлетический элемент, тот самый атлетический элемент, которого так не хватает «Спартаку» в матчах с советскими командами.

Итак, итальянцы крупно проиграли. И, несмотря на это, зрители аплодировали им так же, как и победителям.

В самом деле, такие мастера, как Мигель Монтуори, Альберто Орцан, Серджи Черватто, Граттон, могут доставить настоящее эстетическое наслаждение своей игрой. И у них есть чему поучиться, особенно в области индивидуального творчества.

Не многие из наших мастеров так хорошо владеют искусством финта, как это делают, скажем, Монтуори или Граттон.

Никита Симонян, Эдуард Стрельцов, Сергей Сальников — да, пожалуй, и обчелся. Подавляющее же большинство нападающих передают мяч партнеру при любых обстоятельствах.

Нам хочется, чтобы наши футболисты — не один или два в команде, а все — так же непринужденно работали с мячом, как это делают итальянцы или бразильцы.

Ан. СТАРОСТИН,
заслуженный мастер спорта.

Матч «Фиорентина» — «Спартак». Анатолий Исаев (в майке с полосой) забил второй гол.

Фото А. Бочинина.

Гонка закончена

Восемнадцать дней продолжалась гонка велосипедистов по маршруту Москва — Минск — Киев — Харьков — Москва. В минувшее воскресенье на набережной Центрального парка культуры и отдыха имени М. Горького тысячи москвичей увидели стремительный финиш и приветствовали победителей.

Пройдено более 2 600 километров. В пути было разное: палящее солнце, холодный дождь, ветер лобовой и боковой. Погода во многом предопределяла тактику команд и норму поведения спортсменов.

Наиболее сильная группа гонщиков была в составе Центрального спортивного клуба Министерства обороны. Не удивительно поэтому, что армейские велосипедисты, захватив лидерство на первом же этапе, Москва — Гжатск, оставались во главе гонки до последнего его этапа, Тула — Москва, и выиграли переходящий приз Всесоюзного комитета.

Более напряженной была индивидуальная борьба, хотя и она шла главным образом между армейцами. Правда, молодые спортсмены М. Курбатов («Торпедо»), Г. Сейдухжин («Металлург»), А. Олизаренко («Трудовые резервы») показали себя с самой лучшей стороны и заставляли «королей гонки» — армейцев много работать, чтобы удерживать лидерство.

Победитель многодневной шоссейной гонки — чемпион СССР Юрий Коледов.

Заслуженный мастер спорта Евгений Клевцов с призом журнала «Огонек».

Армеец Юрий Коледов после второго этапа в Смоленске получил желтую майку лидера. Он ее ни разу не уступил на остальных тринадцати этапах. Это своеобразный рекорд. Так в желтой майке он финишировал в Москве, а здесь ему вручили красную майку чемпиона Советского Союза.

Приз журнала «Огонек» завоевал тоже армеец — заслуженный мастер спорта Евгений Клевцов. Он трижды финишировал первым: в Смоленске, в Полтаве и в родном Курске. Здесь он выигрывает этап по традиции, здесь его встречают шумными аплодисментами и щедро одаривают цветами.

Дело в том, что сравнительно недавно Евгений Клевцов работал токарем машинно-тракторной мастерской под Обоянью, близ Курска. В этом маленьком, зеленом городке у него есть родные и много друзей. Каждый год они ждут своего земляка, и каждый год они видят его в головной группе и кричат ему:

— Женя, жми!

Вот и в этом году Женя «нажал» и первым был на финише в Курске. Это была его третья победа на этапе, которая дала ему право на приз журнала «Огонек».

Хенлейская регата

Недавно на Темзе, в 50 километрах от английской столицы, в тихом провинциальном городке Хенлей, проходила очередная регата, в которой выступили спортсмены различных стран мира.

По телефону из Лондона нам сообщили: в гонках на одиночках в финал вышел олимпиец Вячеслав Иванов, где и встретился с австралийцем Стюартом Маккензи.

Десятки тысяч зрителей, тесно усыпавших берега Темзы, наблюдали за этим драматически сложившимся заездом. Сразу же после старта Маккензи, набирая скорость, несколько ушел вперед. Иванов, исключительно легко работая веслами, отпустил его не больше чем на полкорпуса лодки. Затем, сделав свой знаменитый рывок, он достал австралийца и уже собирался обогнать его, но, увлекшись, допустил оплошность, которая ему дорого обошлась: примерно за 200 метров до финиша он задел веслом за бревна, ограждающие дистанцию. Секундного замешательства оказалось вполне достаточно для того, чтобы Маккензи вырвался вперед сразу на два корпуса. Проявив исключительную силу воли, Иванов умудрился на таком коротком отрезке снова догнать своего соперника. На финише он проиграл ему всего... один метр.

На двойке парной выступали известные советские гребцы Юрий Тюкалов и Александр Беркутов. В финальном заезде они встретились с английскими гребцами. Блестяще пройдя всю дистанцию, советские спортсмены намного опередили своих соперников. Тюкалову и Беркутову был вручен переходящий приз — «Парные весла».

Четверка без рулевого общества «Крылья Советов» выступала в Хенлее в составе Дмитрия Смирнова, Юрия Сорокина, Владимира Законникова и Бориса Вайсберга. В финальном заезде наша четверка на корпус опередила представителей Лондонского гребного клуба. В результате переходящий приз для четверок — «Кубок Стюардов» — достался советским спортсменам.

Ю. ЖИЛЯЕВ

СВЕТОВАЯ, МОМЕНТАЛЬНАЯ...

Сто тысяч зрителей, заполнивших Большую арену Центрального стадиона, осмотревшись кругом, увидели: на самом верху Северной и Южной трибун появились какие-то огромные металлические квадраты.

Это каркасы так называемых табло, или информационных щитов, монтаж которых заканчивается. Скоро на Большой арене начнет выходить своеобразная моментальная световая газета, которая будет помогать зрителям разбираться во всех событиях, происходящих на футбольном поле или беговой дорожке.

В верхней части щита находятся часы размером 5 × 5 метров, а под ними — секундомер. Слева от этих приборов размещено в 10 рядов свыше 10 тысяч электрических ламп. Загораясь в различных комбинациях, лампы могут воспроизвести любую букву русского или латинского алфавита, а также любую цифру.

В дни футбольных состязаний часы включаются тотчас же, как прозвучит судейский свисток.

Счет, достигнутый в игре, «пишется» на щите световыми цифрами. Кроме того, после каждого гола здесь появится и фамилия игрока, забившего мяч.

Во время состязаний на беговой дорожке будет действовать секундомер.

С помощью особой клавиатуры на щит можно передать из судейской ложи самую разнообразную информацию о ходе состязаний.

Рассказы Ярослава Гашека

Я. Гашек

Швейк! Это имя облетело весь мир, а на родине «бравого солдата» мы сталкиваемся с ним на каждом шагу. Вот он ожил в фарфоровой статуэтке на витрине магазина, лукаво глядит с кинорекламы или с простодушным плутовством шагает, вытягиваясь перед фельдфебелем, на сцене театра. «Э, человече, брось швейковать!..» — кто-то на улице укоряет приятеля. Образ Швейка неразрывно связан в нашем представлении с его портретом, созданным чехословацким народным художником Иозефом Ладой, другом Гашека, замечательным иллюстратором его романа. Его рисунки настолько тесно сплелись с литературными героями, что мы и представить себе не можем иными ни самого Швейка, ни пани Мюллерову, ни Паливца, ни других героев этой книги. Мы приводим здесь рисунки Лады, которые украшают меню знаменитого пражского кабачка «У калиха».

Читатель, привыкший к Швейку, хитроватому, добродушному, прикидывающемуся наивным, наверное, удивится тому, что Ярослав Гашек собирался представить его в дальнейшем как революционного солдата. Смерть не дала писателю осуществить этот замысел. Но некоторые статьи, которые Гашек, находясь в рядах Красной Армии, печатал в январе 1919 года в армейской газете, уже намечают черты нового Швейка.

Читателям мало известен Гашек — рассказчик и фельетонист. Короткие рассказы, фельетоны и юморески он начал писать еще в 1900 году, когда ему было 17 лет. За 15 лет литературной деятельности Гашек создал три романа, несколько пьес и более тысячи рассказов. Чехословацкие литературоведы с большим трудом разыскивают фельетоны, очерки и рассказы, принадлежащие перу Гашека, в газетах и журналах того времени: Гашек подписывался более чем сотней псевдонимов.

Ниже печатаются впервые переведенные на русский язык рассказы Гашека из сборника «Сатирические рассказы и юморески», который вышел в Праге в 1955 году. Рассказ «Алкогольная идиллия» увидел свет в 1911, и «Анонимное письмо» — в 1912 году. В свое время они были напечатаны в журнале «Карикатуры».

В. ПЕТРОВА

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Алкогольная идиллия

Пан Годишек, безусловно, не был алкоголиком, так как выпивал в день всего лишь две кружки пива.

Это был порядочный человек, который добросовестно пекся о своем семействе, но единственной его слабостью, истинным его несчастьем были одна — две кружки пива в день.

Настоящим несчастьем, ибо вы увидите, чем все это окончилось.

Случилось так, что пани Годишковой попала в руки листовка антиалкогольной лиги, этого ужасного общества по борьбе с пьянством, которое безуспешно воюет с алкоголизмом. Убедить двух — трех пьяниц — все равно, что отсечь голову гидре: вырастает десять новых, за каждого непьющего вступает в бой во здравие алкоголя десяток новых пьяниц.

Однако антиалкогольная лига неутомима. Это она организует лекции о губительном влиянии алкоголя, во время которых аудитория потягивает пиво и лишь перед оратором стоит скромненькая бутылочка содовой воды.

Это она, антиалкогольная лига, провозгласила, что каждый, кто выпивает хотя бы одну кружку пива в день, есть тупоумный алкоголик, постепенно теряющий рассудок, и что одной кружки пива в день совершенно достаточно, чтобы в течение года человек превратился в идиота.

Далее в брошюре был весьма подробно описан случай чиновника-алкоголика, который ничего особенного не делал, а лишь выпивал каждый день свою кружечку. Его мозг отупел от ежедневной кружки пива, и он совершенно утратил чувство долга и, так как окончательно пал духом, не мог подрабатывать, как раньше, чтобы увеличить свой скромный заработок для поддержания большой семьи.

В хозяйстве, до этого столь благополучном, поселилась нищета, а он все-таки выпивал свою злополучную кружку пива, невзирая на нарекания голодающих жены и детей. Дело зашло так далеко, что ради кружки пива он посягнул на доверенные ему деньги и совершил значительную растрату. Был уличен, арестован, семья его разорилась. Поэтому, выйдя из тюрьмы, он изрубил всю семью топором, чтобы завершить страшное дело алкоголизма.

Когда пани Годишкова прочла это, она разрыдалась, ибо, судя по всему, ее муж тоже был алкоголиком.

Далее она вычитала, что сумасшествие наступает не сразу, а постепенно и что его можно определить у несчастной жертвы лишь в результате внимательного наблюдения.

И вот в тот же самый день, когда ее супруг явился домой к обеду, она с замиранием сердца следила, не сходит ли он уже с ума.

Она затрепетала, когда, взглянув на новую кретоновую блузочку одной из дочерей, он равнодушно обронил:

— А, это сафьян.

Она тотчас же припомнила другие подробности из речей своего мужа, на которые прежде не обращала внимания. Вспомнила, например, что как-то, кажется, полгода назад, он заявил, что смог бы приготовить копченый язык под польским соусом, употребив для этого сметану, и что, как только она заводит речь о том, что теперь носят, ее несчастный алкоголик ворчит:

— Э, носят так носят! Побольше б на стол!

Сердце ее колотилось, когда она вспоминала все эти подробности и, вглядываясь в мужа, искала признаки идиотизма или хотя бы намек на ту туповатую ухмылку, которая появляется у людей слабоумных. Пан Годишек действительно улыбался, как улыбается человек, довольный обедом, но это и мучило пани Годишкову.

Не оставалось никаких сомнений: пан Годишек спятил. Это были страшные три дня, когда пани отмечала за обедом все ту же улыбку наслаждения, с которой ее муж погружал свои усы в первую, а вечером — во вторую и последнюю кружку пива. Если кто-то свихнулся от одной, как ужасен алкоголик, употребляющий вторую!

Пани Годишкова ходила как в воду опущенная и размышляла, как уберечь мужа от гибели, а хозяйство от разорения.

Счастье еще, что на четвертый день ей попалась под руку газета со следующим объявлением: «Призрак алкоголизма парит над вашим домом. Если вы не примете мер, ваш муж станет убийцей, поджигателем, грабителем. Что предпринять, чтобы в приступе белой горячки он не поубивал вас и ваших детей? Доверьтесь аптеке Кароля в Лугачи в Уграх, которая вышлет наложенным платежом или за наличные 5,80 кроны флакон бальзама от белой горячки. Утром, в обед и вечером налейте 40 капель в ликер, который пьет ваш муж. Через четыре месяца ваш муж будет здоров. Предупреждаем: с пивом капель не принимать!»

Пани Годишкова послала 5,80 кроны, получила флакон и за обедом спросила у мужа, какой ликер он охотнее пьет... Я должен заметить: что касается ликера, то в этом пан Годишек был абсолютным трезвенником. Поэтому он ответил, что не желает слышать ни о каком ликере. Он в жизни еще не пробовал никакого ликера. При этом он так взглянул на свою супругу, что та окончательно убедилась в его безумии и в том, что навряд ли ей удастся его вылечить.

— Ну, а вишневки ты бы не выпил? Она пойдет тебе на пользу, не повредит, и аппетит станет лучше, охотнее будешь работать!

Она отправилась в кухню и там, рыдая, налила в ликерную рюмку вишневки, куда добавила тридцать капель чудодейственного бальзама от белой горячки. Потом утерла слезы и отнесла вишневку мужу. Тот облизнулся и потребовал еще.

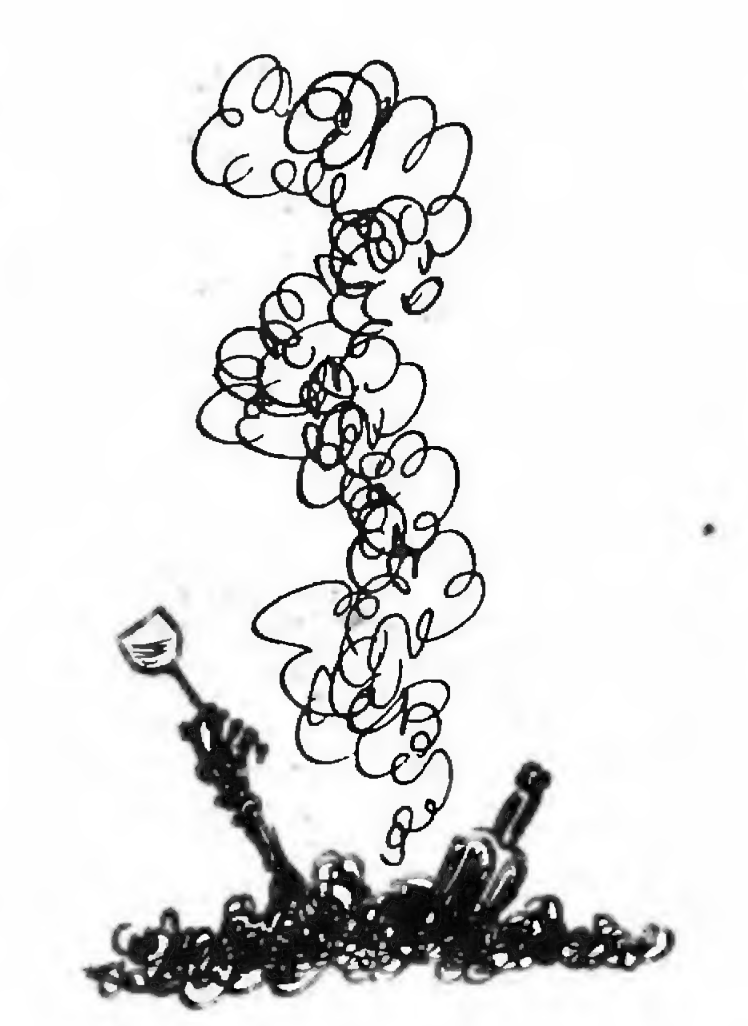
Лечение оказалось весьма радикальным. Он выпил после обе-

да десять рюмок, а вечером двадцать. На следующий день, когда пан Годишек шел в свою контору, он уже задержался в кабачке.

Это ужасно: до чего только не доведут человека одна или две ежедневные кружки пива! Да, тут не поможет даже бальзам Кароля от белой горячки. Весьма печальным доказательством этого и является пан Годишек, который, пройдя трехмесячный курс лечения, облил себя, свою жену и детишек керосином, поджег на себе и на них одежду и сгорел вместе с семьей.

Анонимное письмо

Князь Фридрих из Валдецкого княжества ехал в карете, окруженный восторженной толпой, как вдруг, словно гром с ясного неба, на его колени слетело письмо, ловко брошенное чьей-то рукой.

Князь Фридрих очаровательно улыбнулся и принялся читать:

«Ваше Высочество, Вы дурак из дураков, которых только земля носит!»

Князь Фридрих перестал улыбаться.

Как писали на другой день в газетах, его высочеству стало дурно, и торжество было тотчас же прекращено, князь Фридрих отправился в свой дворец. Во дворце князь забрался в кабинет, там внимательно изучил оскорбительное послание. Прочитав по меньшей мере в пятидесятый раз: «Ваше Высочество, Вы дурак из дураков, которых только земля носит!» — и запомнив это наизусть, он воскликнул удивленно: «Этот негодяй даже не подписался!»

Он шагал по кабинету и приговаривал: «Ваше Высочество, Вы дурак из дураков, которых только земля носит!»

Через полчаса князь приказал созвать государственный совет.

— Дорогие господа, — обратился он расстроенно к четырем своим тайным советникам, — сегодня, в день празднования тридцатилетия моего правления, неизвестный злоумышленник швырнул в мою коляску следующее письмо: «Ваше Высочество, Вы дурак из дураков, которых только земля носит!»

Тайные советники побледнели, а барон Карл пробормотал:

— Ваше высочество, это письмо предназначалось не вашему высочеству!

Князь Фридрих рассвирепел.

— Дорогой барон, — воскликнул он, — я полагаю, вам известно, что титул «ваше высочество» принадлежит в целом княжестве только мне, что не существует никого, кто посмел бы присвоить себе титул «ваше высочество»! И так как в записке сказано: «Ваше Высочество, Вы дурак из дураков, которых только земля носит!», — это письмо адресовано мне! Я думаю, что все мы сойдемся в этом мнении. В интересах государства разыскать злодея, который отважился меня оскорбить, ибо я считаю это государственной изменой. Я передаю событие в ваши руки и полагаю, что парламент также выразит мне сочувствие и осудит на завтрашней сессии этот постыдный поступок субъекта, не постеснявшегося нарушить покой своего монарха...

До глубокой ночи заседал государственный совет, в котором принял участие шеф полиции.

На следующий день на сессии парламента председательствующий с волнением огласил собственноручное послание князя Фридриха, полагавшегося на верность своего народа. Парламент незамедлительно дал присягу верности князю, хотя никто не понимал, что же, собственно, происходит.

Неосознанная тоска висела в воздухе. Шеф полиции, между тем, не ленился: он потребовал аудиенции и взял из государственного архива сие мерзкое письмо.

— Что вы собираетесь предпринять? — спросил его канцлер.

Шеф полиции потирал руки:

— Терпение, вы будете поражены моей разведкой!

Письмо отправили в государственную типографию, и уже в полдень по всей столице были развешаны плакаты, выпущенные полицейским управлением:

«1000 марок награды получит тот, кто укажет след злодея, который написал и бросил в карету светлейшего князя следующее письмо:

«Ваше Высочество, Вы дурак из дураков, которых только земля носит!»

Таким образом до вечера каждый житель княжества Валдецкого знал, что князь Фридрих — дурак из дураков, которых только носит земля.

На следующий день шеф полиции ушел на пенсию.

Перевела с чешского
В. ПЕТРОВА.

Раскопки Пирова селища

Подписной крест.

В пяти километрах от города Вязники, Владимирской области, на высоком приклязьминском плато экспедиция Владимирского музея, руководимая кандидатом исторических наук В. В. Седовым, ведет раскопки древних поселений — Пирова селища и городища. Впервые во Владимиро-Суздальской земле открыто селище с превосходно сохранившимся богатым культурным слоем, в котором удалось проследить более десятка жилищ с развалившимися глиняными печами, самыми разнообразными орудиями труда и предметами быта. Выделяются инструменты ювелира: тигель для плавки металла, тигельные щипцы, различные молоточки, зубила... Литые крестики, украшенные резьбой, вероятно, сделаны местным ювелиром. Клязьма была когда-то мощной водной артерией, с развитыми рыбными промыслами. В числе находок — рыболовные крючки, грузила.

Железная шпора.

Из предметов быта найдены складная бритва, ножи, янтарные и стеклянные бусы, разнообразные украшения из бронзы. Любопытен крестик-тельник, сделанный из местного серого шифера. Лицевая сторона его украшена цветными пастовыми вставками, на обороте надпись: «Господи помози рабу своему властеви аминь». Надпись вырезана на рубеже XI и XII столетий и является особенно ценной: подписная вещь этого времени в древнерусском селе найдена впервые.

Селище разместилось на месте, где около трех тысяч лет назад была стоянка эпохи бронзы. Под селищем обнаружен культурный слой, относящийся к тому периоду. В нем найдены многочисленные наконечники стрел и копий, сделанные из камня, и хорошо сохранившееся бронзовое лезвие рубанка.

Г. ШЛИОНСКИЙ

Фото В. Минкевича.

Отвечаем читателям

Памятники писателям

Памятник Шевченко в Канаде.

«Многие писатели нашей Родины пользуются мировой славой. Сооружены ли им памятники за границей?» — спрашивает читательница А. Миронова (Нижний Тагил).

На одной из оживленных площадей Шанхая установлен памятник Александру Сергеевичу Пушкину. У подножия монумента всегда свежие цветы. Фотоснимок этого памятника был опубликован в 27-м номере журнала «Огонек» за 1951 год.

В живописном южном городе Франции — Ницце в конце прошлого века был сооружен памятник А. И. Герцену. Автор памятника — русский скульптор П. Забелло. Посещавший Ниццу писатель П. Боборыкин в своих воспоминаниях пишет: «Красивым его лицо нельзя было назвать; но я редко видел более характерную голову с такой своеобразной, живой физиономией, с острыми и блестящими глазами, с очертаниями насмешливого рта, с этим лбом и седеющей шевелюрой. Скульптор Забелло сумел схватить посадку головы и всю фигуру...».

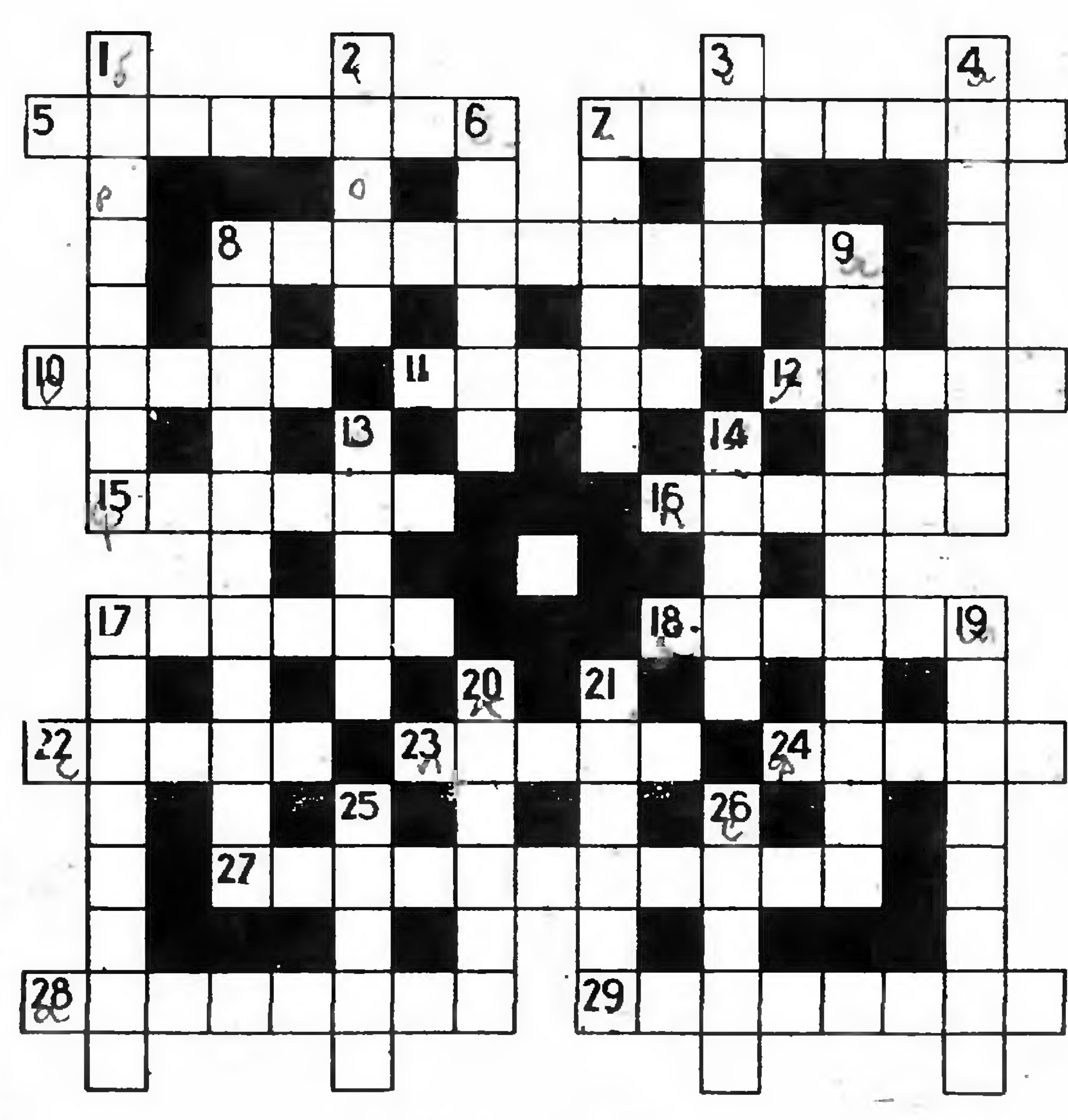
Трудящиеся Украины подарили канадскому товариществу украинцев памятник: отлитую из бронзы трехметровую фигуру великого кобзаря Тараса Шевченко. Авторы памятника — киевские скульпторы А. Олейник и М. Вронский и архитектор В. Гнездилов. Памятник установлен в 1951 году в городе Палермо, в Канаде.

П. ЧУМАК

Памятник Герцену в Ницце.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Тюрьма в Париже, разрушенная народом в 1789 году. 7. Вопрос, требующий разрешения. 8. Народная артистка СССР. 10. Морской орел. 11. Ансамбль из восьми исполнителей. 12. Черный дятел. 15. Составная часть сложных белков. 16. Периодическая печать. 17. Французский писатель-реалист XIX века. 18. Древний город в Белоруссии. 22. Государство в Вест-Индии. 23. Народная картинка. 24. Пьеса А. Корнейчука. 27. Воспроизведение изображения. 28. Сорт каменного угля. 29. Кинопленка с музыкальными и речевыми фонограммами.

По вертикали:

1. Прибор для записи атмосферного давления. 2. Растительный мир. 3. Род водных растений семейства кувшинковых. 4. Река в Южной Америке. 6. Остров в Караибском море. 7. Часть песни. 8. Чертежный прибор. 9. Порт Египта. 13. Герой одной из трагедий В. Шекспира. 14. Стиль плавания. 17. Часть произведения искусства. 19. Кружевная накидка у испанок. 20. Местность с природными лечебными средствами. 21. Рыба семейства карповых. 25. Игла для вязания. 26. Эпизод в пьесе, повести, романе.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 28

По горизонтали:

7. Конкурс. 8. Ромодан. 10. Тире. 12. Путивль. 13. Армения. 14. Шлюпка. 15. Фирн. 18. Изер. 19. Турбогенератор. 22. Логогриф. 23. Эмиритон. 24. Гиперион. 26. Снование. 30. Баскетболистка. 32. Коло. 33. Лама. 34. «Эгмонт». 35. Минимум. 37. Пастель. 38. Зубр. 39. Касатка. 40. «Именины».

По вертикали:

1. Пустельга. 2. Бересклет. 3. Фолиант. 4. Путь. 5. Эмба. 6. Кашемир. 9. Мурильо. 11. «Фиделио». 16. Облицовка. 17. Гармонист. 20. Уйгурка. 21. Отрывок. 25. История. 27. Иремель. 28. Стегозавр. 29. Планеризм. 30. Боливар. 31. Альтинг. 36. Мята. 37. Плед.

Букет Петра Иванова

В начале XVIII века Европа болела «фарфоровой лихорадкой». Торговые компании, вывозившие фарфор из Японии и Китая, наживали огромные прибыли. Германский и австрийский монархи гордились тем, что, кроме их фабрик, других в Европе нет, и обязывали производство фарфора держать в строжайшем секрете. В России вышел в свет высочайший указ о создании «порцелиновой мануфактуры» — фарфоровой фабрики. Она строится в 1744 году на топком берегу Невы, в десяти верстах от Петербурга. Д. И. Виноградов, талантливый русский ученый, соученик Ломоносова, изобрел здесь превосходную фарфоровую смесь из русских глин.

На бронзовой подставке, под толстым стеклянным колпаком в заводском музее настоящее фарфоровое чудо: один из букетов знаменитого мастера фарфоровых смесей Петра Устиновича Иванова, работавшего на заводе в середине прошлого века.

Букет Иванова невозможно повторить: секрет состава смеси и технология изготовления утрачены. Несколько сохранившихся фарфоровых букетов Иванова уникальны. Но мастера советского фарфора в художественной лаборатории Государственного фарфорового завода имени Ломоносова исследуют смесь и пытаются восстановить технологию букета.

Н. ХРАБРОВА
Фото В. Киселева.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Рисунок Л. и Ю. Черепановых.

На вкладках этого номера репродукции картин И. Титова «В походе», Н. Кузнецова «Москва. Комсомольская площадь», рисунки индийского художника Мукти Бянарджи и четыре страницы цветных фотографий.

МОДЕЛИ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА МОДЫ

К рисункам и фото на 3-й странице обложки

1. Ансамбль: нарядное платье и пальто из набивного шелка золотистых тонов (Чехословакия).

2. Нарядное платье из золотистого шелка. Спереди два и на спинке одно отлетные полотнища от кокетки, схваченные по талии поясом. Все дополнения к платью (шляпа, перчатки, сумочка) белого цвета (Румыния).

3. Юбка и блузка из пушистого штапельного полотна, имитирующего шерсть. Юбка в поперечные полосы. Широкий кожаный пояс (Болгария).

4. Выходное нарядное платье из ткани цвета охры, с выпуклым тканым рисунком (Венгрия).

5. Нарядное платье из голубовато-серой ткани с тисненым рисунком. Лиф свободный, рукав широкий втачной. Шляпа сделана из цветочков, ее размер может быть уменьшен (ГДР).

6. Нарядное платье из искусственного двухстороннего шелка, комбинированное. Тканый рисунок светло-серого и черного цветов. Шляпа и перчатки розовые (СССР).

7. Платье из шелковистой хлопчатобумажной ткани в бело-розовую полоску с темно-серым рисунком (Польша).

Рисунки Н. Голиковой.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. **Рукописи не возвращаются.** **Оформление И. Уразова.**

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05295. Подписано к печати 10/VII 1957 г. Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 736. Заказ № 1716.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

VIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС МОДЫ
МОСКВА 1957
1
2
3
3
4
5
6
7
7
4
5
6

СОВЕТЫ КУПАЮЩИМСЯ

ДО КУПАНИЯ

1. Купание полезно только здоровым людям. Прежде чем начать купание, посоветуйтесь с врачом.

2. Начинайте купание в солнечную безветренную погоду, при температуре 20—25 градусов, воды 17—19 градусов.

3. Выбирайте для купания только заведомо безопасные или специально отведенные для этого места. Если поблизости нет пляжа, купальни, водной станции, можно расположиться на чистом песчаном берегу.

4. После еды не следует купаться раньше чем через час.

5. Нельзя купаться в нетрезвом виде.

6. Перед купанием надо отдохнуть. Разгоряченным входить в воду не рекомендуется.

7. При большой волне не купайтесь.

8. Не прыгайте в воду в незнакомых местах.

ВО ВРЕМЯ КУПАНИЯ

1. Входите в воду осторожно. На неглубоком месте остановитесь и быстро окунитесь с головой.

2. Не доводите себя до озноба, купайтесь не более 10—15 минут.

3. Не надо часто выходить из воды и стоять мокрым на ветру.

4. При судорогах не теряйтесь! Старайтесь удержаться на поверхности воды, зовите на помощь.

5. Попав в сильное течение, не плывите против него, используйте течение, чтобы приблизиться к берегу.

6. Попав в водоворот, не пугайтесь. Наберите побольше воздуха в легкие, погрузитесь в воду и, сделав сильный рывок в сторону по течению, всплывайте на поверхность.

7. Не плавайте далеко от берега, не заплывайте за предупредительные знаки.

8. Не подплывайте к идущим судам — это опасно для жизни.

9. Не допускайте грубых шалостей в воде.

10. Купаться рекомендуется не более двух раз в сутки.

ПОСЛЕ КУПАНИЯ

1. Выйдя из воды, вытрите тело насухо, разотрите его ладонью или полотенцем, быстро оденьтесь и пройдитесь.

2. Не лежите после купания на солнце.

3. Солнечные ванны принимайте до купания, после купания лучше отдохнуть в тени.

НЕ НАРУШАЙТЕ ПРАВИЛА КУПАНИЯ!

СОБЛЮДАЙТЕ МЕРЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ

Цена номера 3 руб.